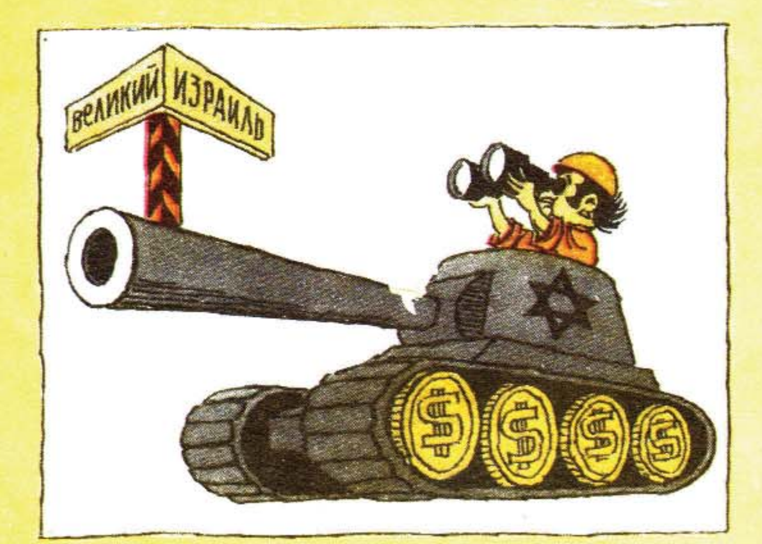
НАСЛЕДНИКИ БЕСНОВАТОГО

Ударом мощным наш советский меч
Сумел паучью свастику рассечь.
Однако нет и ныне недостатка
В апологетах «нового порядка».

Провозглашают реваншисты тосты
Под старый марш за новый «дранг нах остен».

Израиль с незавидным постоянством
Охотится за жизненным пространством.

В Италии неофашистов тучи
Скандируют «Хайль фюрер!», «Вива дуче!».

В ЮАР поклонник рейха верховодит,
Расистские законы в жизнь проводит.

А Пиночет, как мастер лжи и кляпа,
Равняется всецело на гестапо.

Рисунок М. АБРАМОВА *Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА*

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 Цена номера 15 коп.

КРОКОДИЛ

ЕГО КОРМИЛО

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

№12 АПРЕЛЬ 1976

22 апреля — день рождения В. И. ЛЕНИНА

Всеволод ПРИВАЛЬСКИЙ

КОРОБОЧКА ВАКСЫ

Утром Артур Блумквист сказал жене:

— Мили, сегодня приедет один русский, он немного поживет у нас. Товарищи велели его беречь, за ним охотятся шпики.

Эмилия молча наклонила голову, надела передник и принялась готовить комнату для гостя.

Поздно вечером Артур привез гостя на извозчике. Отодвинув занавеску, Эмилия увидела через окно невысокого, плотного человека, одетого в дешевое пальто с поднятым воротником, и в кепке. «О, да это простой рабочий»,— подумала она. Но когда гость вошел в квартиру, осторожно снял кепку, держась почему-то за волосы, и дружелюбно поздоровался, ласково взглянул живыми карими глазами, Эмилия переменила свое мнение. «Нет, это не простой человек и, должно быть, очень хороший, во всяком случае, мне так кажется. Буду с ним поласковей, у него очень утомленный вид. К счастью, у нас тихо, и он сможет хорошо отдохнуть».

Отрекомендовался гость Константином Петровичем Ивановым. Голос у него был приятный, с легкой картавинкой. Немного удивило хозяйку, что у гостя не было никакого багажа, даже самого легкого чемоданчика. Но потом она сообразила, что человек, за которым охотится охранка, не станет ездить с сундуками и чемоданами.

Плохо было то, что гость совсем не говорил по-фински и, по-видимому, не понимал и шведского; сама же Эмилия хотя и понимала немного русский язык, но говорила очень плохо.

Целые дни Константин Петрович сидел в своей комнате и усердно писал. Часто и по ночам хозяйка видела узкую полоску света, пробивавшуюся из-под двери. Теперь она была уже убеждена, что ее гость не простой человек, может быть, даже ученый или писатель, хотя и не понимала, зачем ему нужно скрываться. Только один раз она спросила у мужа, знает ли он, кто такой их гость. Артур вынул трубку изо рта и пожал плечами:

— Я думаю, это очень хороший человек, мы должны его беречь.

Каждый день кто-нибудь из товарищей приносил Константину Петровичу газеты. Газет было много, гость обрадованно хватался за них и тотчас уносил к себе в комнату.

Как-то Артур сказал жене, что к их постояльцу должен приехать гость из Петрограда. И в самом деле, через несколько дней кто-то осторожно постучал в дверь.

Когда Эмилия открыла дверь, она увидела немолодую, скромно одетую женщину. Константин Петрович так обрадовался приезжей, что бросился ее обнимать. Эмилия голову готова была дать на отсечение, что это жена Константина Петровича, хотя приезжая называла себя Агафьей Атамановой из Райволы, а Константин Петрович звал ее Надюша.

Эмилия постаралась и на обед приготовила рыбу в молочном соусе, хотя с продуктами в Гельсингфорсе в это время было уже очень трудно. Перед обедом гостья передала хозяйке небольшую круглую жестяную коробочку и жестом показала, что просит ее открыть. На кухне Эмилия разглядела коробочку: на ней были нарисованы черные кружочки, похожие на дробь, и написано какое-то русское слово. «Должно быть, вакса,— подумала она.— Во всяком случае, в магазинах продаются точно такие же коробочки с ваксой». Она сняла плотно прилегающую крышку: в коробочке действительно оказалась черная вакса, правда, необычная — она состояла из плотно спрессованных дробинок, какие были нарисованы на крышке. Пахла вакса немного странно — рыбой. «Что ж, снесу им после обеда»,— решила Эмилия. Но в это время Константин Петрович позвал ее и жестами спросил, где же коробочка. Эмилия пожала плечами и отправилась на кухню за ваксой. Заодно она захватила с собой и сапожную щетку, потому что кто же чистит обувь без щетки, хотя бы это происходило и за обедом.

Завидев в одной руке хозяйки коробочку, а в другой сапожную щетку, Константин Петрович переглянулся со своей женой, и оба не удержались от смеха. Этот неожиданный смех смутил Эмилию, хотя ей очень понравилось, как смеется Константин Петрович — открыто, весело и совсем не обидно.

Константин Петрович взял из рук покрасневшей хозяйки коробочку и вдруг, к ее ужасу, намазал ваксой кусочек хлеба и отправил в рот. Он и ей предложил отведать, но она только замахала руками. Улыбаясь, Константин Петрович принялся объяснять, что это вовсе не вакса, а такая русская еда, называется паюсная икра. Эмилия решила попробовать кусочек только тогда, когда такой же бутерброд съела и жена Константина Петровича.

Через два дня русская дама уехала, а Константин Петрович прожил у Блумквистов еще некоторое время. И только незадолго до его отъезда Эмилия с удивлением узнала, что ее постоялец довольно сносно изъясняется по-шведски. Однажды он вошел в кухню, где Эмилия с мужем пили кофе. В руках у него была газета, и тут, удивив Эмилию, он хоть и на ломаном шведском языке, но вполне понятно сказал:

— Вот послушайте, что пишут в газете,— и медленно стал переводить: — «Полиция напала на след большевистского вождя Ленина, укрывающегося в Петрограде. Арест Ленина является делом нескольких дней»,— сложив газету и, прищурившись, он добавил: — Вот, оказывается, какие дела. Жаль, жаль мне этого Ленина.

Эмилия сочувствовала большевикам, которые хотят создать в России государство рабочих и крестьян, но никак не могла понять, почему Константин Петрович заговорил вдруг о Ленине и почему так жалеет его. Поняла она это лишь два месяца спустя, когда в одной газете увидела портрет Константина Петровича и подпись под ним: «Владимир Ильич Ульянов-Ленин». Портрет этот Эмилия Блумквист аккуратно вырезала и повесила в той комнате, где несколько дней прожил у нее в гостях вождь русских большевиков.

ТОЛЬКО ДЛЯ «ГАЛОЧЕК»

Рисунок И. СЫЧЕВА

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Жертва прогресса

В магазине «Мебельторга»
На красавец агрегат
С нескрываемым восторгом
Покупатели глядят.
Вот научного прогресса,
Так сказать, живой пример:
Он и вешалка, и кресло,
И кровать он, и торшер.
Нажимайте только кнопки —
И готов и стол и бар...
Продавец открыл коробку,
Показал лицом товар:
«Предположим, издалека
Ночью друг приехал к вам —
Нажимаем кнопку сбоку,
Получается диван.
Друг уехал утром рано —
Жмем на кнопку номер шесть,
Получаем из дивана
Стол и стул. Кто хочет сесть!»
— Я! — раздался голос сзади.
По толпе пронесся гул,
Бородатый толстый дядя
Сел решительно на стул.
Сразу что-то застучало,
Страшный треск раздался вдруг,
Превратился стул сначала
В книжный шкаф, а шкаф — в сундук.
Все, в немом восторге глядя
На технический прогресс,
Не заметили, как дядя
В агрегате том исчез.
Долго бились над машиной
И завмаг и продавец
И к закрытью магазина
Бородатого мужчину
Отыскали наконец.
Он лежал на шифоньере
С книжной полкою в руке,
Борода была в торшере,
Остальное — в сундуке.
Был дирекции фабричной
В тот же день отправлен акт,
Там весьма самокритично
Оценили этот факт.
И к инструкции подробной
Пять добавили страниц,
Как при случаях подобных
Извлекать застрявших лиц.

г. Ленинград.

— Нет уж, лучше пройдусь пешком!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

В. БЕЛЯЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

Беда постигла ленинградский завод «Электрик» в тот момент, когда он купался в лучах славы.

— Все, — похоронно известил директор К. М. Негодуйко, собрав руководящий состав. — Катастрофа. Торговля отказалась брать наши электроплитки. Полтора миллиона штук. Ссылаются на отсутствие спроса и на затоваривание. Спорить бесполезно. Ух, эти плитки!

Директор сделал паузу. Народ безмолвствовал. Было слышно, как проваливается план, рушатся обязательства и потрескивают, горя синим пламенем, премиальные.

Директор поискал глазами и обратился к одному из присутствующих:

— Вот вы, например. Да-да, вы. Скажите, на какой плитке вы кипятите чай?

— На газовой, — поспешно ответил спрошенный, слегка порозовев.

— Это дома. А на даче?

— Как вам сказать... — еще пуще зарумянился тот.

— Все понятно, — жестко сказал директор. — Купили златоустовскую. Мало того, что не нашего завода, так и вовсе не нашего министерства. Позарились на новинку. А вы? — И он взглянул на сидящего рядом главного инженера В. Е. Недорезова.

— Константин Михайлович, за кого вы меня принимаете! Да пусть эта златоустовская плитка во сто крат лучше нашей! Пусть она прогрессивнее, экономичнее и удобнее, разве я изменю родному заводу?!

И главинж гордо вскинул голову.

— Я верю вам, Владимир Евсеевич, — с чувством сказал Негодуйко. — Вы настоящий патриот завода. Да, товарищи, наша плитка... как бы это выразиться... слегка морально устарела. Теперь, сами понимаете, никто не делает электроплитки на спиралях. На трубчатых электронагревателях делают. И мы когда-нибудь освоим новую технику. Но сейчас мы должны спасать положение. Какие будут идеи?

Предложения были одно фантастичнее другого.

— Нажать на торговцев сверху!

— Распределить электроплитки среди сотрудников, взыскав их стоимость из премии!

— Отправить морально устаревшие плитки в те места, куда еще не ступала нога человека!

Но вот из плохо освещенного угла раздался тихий голос:

— План не догма.

— Как это? — не поняли собравшиеся.

— А так, — сказал голос. — Как говорится, бог дал — бог и взял. Я хочу сказать: министерство дало нам план, министерство может его и уточнить. Так сказать, откорректировать...

Сардонический смех потряс стены директорского кабинета:

— Да вы понимаете, что говорите? В конце года уменьшить план на полтора миллиона плиток?!

— А если хорошо попросить?

— В лучшем случае нас выгонят из кабинета. В худшем...

Что будет в худшем, никто не решился сказать. Вот почему в Министерство электротехнической промышленности откомандировали самого смелого.

Посланец «Электрика» слонялся по ворсистым коридорам, спал на подоконнике, питался сосисками и разгадывал давно разгаданный кроссворд. А в это время за дверью кабинета шло деловое совещание.

— Случилось ужасное! — сообщил руководящий товарищ. — Торговля отказалась брать электроплитки завода «Электрик». Полтора миллиона штук.

— Полтора миллиона! — ахнуло совещание.

— Вы понимаете, что это означает? Проваливается план завода, срываются обязательства, горит премия. А что такое план завода? Это прежде всего план главка. А что такое план главка? Это, естественно, план министерства! И все из-за каких-то ширпотребовских плиток, будь они...

Руководящий товарищ поискал глазами и спросил:

— Кстати, вот вы, например. Да-да, вы, Нина Андреевна. На какой плитке вы кипятите чай? Неужели на златоустовской?

— Почему же! На газовой.

— Это дома. А на даче?

— На даче у меня керосинка, — зарделась Нина Андреевна.— На ней чайник вскипает за четырнадцать минут, а на плитке «Электрика» за час...

Нехорошее молчание воцарилось в кабинете. Стало слышно, как трещит план, рушатся обязательства и что-то горит.

И тут раздался тихий стук в дверь.

— Можно? — спросил посланец «Электрика», ибо это был он.

— В чем дело? Вы же видите, что...

Посланец увидел суровые, озабоченные лица вышестоящих товарищей и подумал: зачем он лезет сюда со своими плитками?

— Я с «Электрика»,—робко пролепетал он.—Нам бы только откорректировать план и...

И тут произошло неожиданное. Суровые морщины на лицах разгладились, строгие взгляды смягчились.

— Голуба! — воскликнул руководящий товарищ. — Дорогуша! Да как это мы сами не догадались! Садитесь вот сюда, поближе!

...Да, дорогой читатель, план был чуть-чуть откорректирован. Вместо двух миллионов сорока пяти тысяч электроплиток, которые должен был выпустить «Электрик», план сократился до одного миллиона ста тысяч. Как говорится, миллион туда, миллион сюда — подумаешь, мелочь! Зато завод легко и просто влился в ряды победителей соревнования. Соответственно похорошели показатели главка и министерства.

Отсюда ясно: откорректировать план куда легче, чем организовать производство современной продукции, освоить новую технику...

История эта случилась в конце 1974 года. Но она натолкнула ее участников на блестящую идею: зачем, собственно, корректировать план в конце года, если можно снизить его заранее?

Вот почему «Электрик» прекрасно справился с заданием по плиткам и в семьдесят пятом году. Вот почему он успешно идет впереди и в семьдесят шестом.

Ленинград — Москва.

* * *

ОТ КРОКОДИЛА. **Конечно, полтора миллиона электроплиток не делают погоду в министерстве. Государство их отсутствия, возможно, и вовсе не заметит, а уж покупатель — тем более. Кому нужны устаревшие по конструкции плитки, если в продаже есть куда более современные?**

Но вот беда — слишком уж частой стала эта самая корректировка планов. Для иных ведомств скорректировать план — что чай на плитке вскипятить. Легко и просто. И это хитрое, обтекаемое словцо порой надежно прикрывает леность, косность, беспечность, равнодушие. То есть прикрывает тех работников, которые не хотят видеть перспективы, бороться за технический прогресс.

Надо закрыть все лазейки, которые еще позволяют нерадивым хозяйственникам ходить в передовиках — так говорилось на XXV съезде КПСС.

«Я работаю на заводе семь лет. За все это время мастер не сказал мне ни одного доброго слова. Только кричит, ругает... Работаю я неплохо. Получаю грамоты, премии... Но мне хочется, чтобы меня когда-нибудь просто похвалил мастер...»

Михаил К., г. Волгоград.

ПОХВАЛА ПОХВАЛЕ

В этот мир мы приходим с требовательным криком: мы требуем пищи, воздуха, мы требуем внимания.

И нам дают пищу, дают воздух, согревают теплыми пеленками.

Нам это нравится.

Подрастая, мы начинаем понимать, что крик — это важное средство добывания всего необходимого. Идя навстречу нашему рассерженному тону, повышенному голосу, нервному речитативу, папа, мама, бабушка, дедушка покупают нам оловянных солдатиков, луноходы, железную дорогу (общая стоимость 106 рублей вместе с пейзажем). Затем приходит очередь магнитофона «Сони» (назвать сумму язык не поворачивается) и кримпленового костюма.

Теперь мы уже твердо знаем: чтобы добиться желаемого, надо кричать или в лучшем случае сердиться. Причем кричать и сердиться по-настоящему вовсе не обязательно. Важно делать вид, что ты гневаешься. Может быть, в душе у тебя лучезарное настроение, может быть, там плещется Черное море в разгар бархатного сезона и летают райские колибри, но ты должен делать вид, что ты чем-то рассержен, чем-то недоволен. Так удобнее.

Нахмуренный вид, окрик, строгий взгляд становятся стилем. С этим стилем вы выпархиваете из-под маминого крылышка в жизнь и в конце концов попадаете на производство.

Ах, как удобен здесь оказывается приобретенный вами в домашних условиях стиль!

Если ты кричишь — значит, болеешь за производство. Если ты хмур — значит, мысли твои здесь, в цехе, а не на берегу Алупки в разгар бархатного сезона, и в голове у тебя крутятся дефицитные шайбы, а не райские колибри.

Если ты кричишь — значит, тебя довели до этого окружающие, у которых в голове, напротив, не дефицитные шайбы, а райские колибри. Значит, ты очень нервный, и все держится на твоих нервах. Без твоих нервов все развалится.

А если так, то ты незаменим.

Свою карьеру ваш покорный слуга начинал учеником фрезеровщика. Через неделю ему надоело околачиваться вокруг станка, и он решил произвести самостоятельно фрезеровку весьма сложной детали. Естественно, для эксперимента он выбрал перерыв, когда в цехе никого не было. Ваш покорный слуга так увлекся первым в своей жизни по-настоящему серьезным делом, что не заметил, как вокруг него образовалась толпа любопытных.

Еще бы! Было на что посмотреть: желторотый юнец фрезерует самую сложную деталь. Но тут в круг ворвался мой учитель. Я глянул на него, и у меня сразу оборвалось сердце. Учитель был в ярости. Даже, можно сказать, в бешенстве.

— Запорол!— вопил он.— Гнать его в шею!

Он ругался, ругался, ругался, и, казалось, не было конца его ужасной ругани.

Я понуро стоял возле станка. Вся моя жизнь шла под откос. Никогда не видеть мне больше цеха, товарищей, никогда не стать квалифицированным фрезеровщиком...

И вдруг рядом раздался голос:

— А ведь парень-то молодец!

Все, не говоря уже обо мне, опешили. К нам незаметно подошел начальник цеха.

— Парень-то хорошо фрезеровал. Только он разметку детали не заметил и пошел не в ту сторону. А так посмотрите, какой чистый срез. Из него выйдет толк, вот увидите!

— Срез-то и вправду ничего,— проворчал мой учитель.— Ладно, пусть остается...

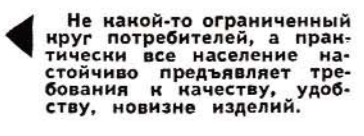
С тех пор прошел не один год. Много чего было испытано, но добрые слова начальника цеха, сказанные в критическую минуту, запали в душу на всю жизнь.

Так, может, не всегда, чтобы дела пошли на лад, надо кричать, ругаться, хмуриться? Может быть, иногда просто достаточно сказать человеку доброе слово?

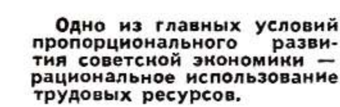
Фельетонист

КОШМАР БРАКОДЕЛА *Рисунок* ***Ю. УЗБЯКОВА***

Не какой-то ограниченный круг потребителей, а практически все население настойчиво предъявляет требования к качеству, удобству, новизне изделий.

Одно из главных условий пропорционального развития советской экономики — рациональное использование трудовых ресурсов.

—Молодого специалиста мы посадили к окну: все-таки поближе к производству. *Рисунок* ***Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО***

В. НАДЕИН, специальный корреспондент Крокодила

МЕЛКОЕ возлияние по мелкому поводу называется междусобойчиком. От него, как правило, остается изжога.

Крупное возлияние по незначительному поводу именуется пьянкой. Результатом ее бывает не только изжога, но и скандал.

Вот почему лица дальновидные, избегая скандала, изобретают повод посолиднее. Тогда пьянка переходит в высокий разряд банкета, а вместо лаконичного «Ну, будем!» произносятся пышные тосты, придающие хмельному общению деловой оттенок мероприятия.

Не знаю, как сложилось бы наше дальнейшее повествование, если бы прокурор небольшого городка Али-Байрамлы И. К. Рустамов выдвинул для встречи со своими влиятельными друзьями какой-нибудь веский предлог с прогрессивной окраской. Но в том-то и суть, что тут Рустамов явно недоработал, и высокие гости созывались на пиршество согласно одному из устаревших законов шариата.

Прокурор и шариат — вещи, согласитесь, несовместные.

И хотя все остальное было продумано до мельчайших деталей, хотя на длинных столах янтарно мерцал коньяк, хотя шипели, пузырясь и багровея, сочнейшие шашлыки, и аспидный блеск малосольной икры зажигал бесовские огоньки в мастерски обнаженных зернах граната, все равно, когда тайное стало явным, разразился крупный скандал.

— А ведь я погорел,— печально сообщил Рустамов близким друзьям, когда критика в его адрес прозвучала не коридорным шепотом, а на высоком республиканском уровне.

Не возражая по существу, друзья отметили обнадеживающие частности.

— Нет, ты еще не погорел, — сказали друзья. — Но ты уже тлеешь. Или, точнее, тонешь. Но будь мужественным. Не хватайся за первую же соломину: она не спасет. Ты лучше наберись терпения, побарахтайся малость и подожди, пока подвернется бревно понадежнее.

Клин, как водится, проще всего вышибать клином. Скандал, то есть сенсацию негативного плана, надежнее всего нейтрализовать громкой новостью со знаком плюс. А поскольку в республике целеустремленно и последовательно проводится борьба со всяческими злоупотреблениями, то сам собою напрашивался план спасения: выступить на каком-нибудь видном процессе с громоподобной, испепеляющей, неповторимой по страсти и слогу обличительной речью. Чтобы вся республика восхищенно зацокала языками, чтобы завистливо завздыхали коллеги и чтобы те, кто вправе его снять, сказали: «Нет, Рустамова снимать нельзя! Рустамов — это наш золотой фонд, и мы никому не позволим разбрасываться нашим дорогим Рустамовым!»

План, что и говорить, хорош, но кого, скажите, испепелять в уютном Али-Байрамлы? Ну, изловят какого-нибудь сукина сына, прокравшегося в заведующие складом... Ну, восстановят какого-нибудь полупрогульщика, у которого всего два выговора вместо положенных трех... Это ли объекты для грома? И главное, совсем уж не остается времени ждать, пока самотеком приплывет спасательное бревно, пока улыбнется случай.

Но случай вновь доказал свое всемогущество. И хотя прибило к тонувшему не полноценное бревно, а тощую жердину, Рустамов постарался соорудить из нее плавсредство максимальной подъемности.

То есть фактики сами по себе были жидковатого свойства, но то в них было привлекательно, что касались они не безвестного мазурика, а весьма приметного в городе человека — старшего инспектора ОБХСС Максуда Алиева.

Случилось так, что в выходной день к капитану Агаеву, дежурившему по горотделу милиции, обратилась некто Рая Н., особа довольно популярная в городе благодаря зычному голосу и неутомимости в скандалах. Рая пожаловалась капитану, что в магазине № 15 ей не возвращают деньги за недавно купленное пальто, оказавшееся узким в плечах после непродолжительной носки.

Эту не вполне безобидную привычку — поносить купленную вещь, а потом вернуть под надуманным предлогом — в милиции знали за Раей давно, а потому капитан Агаев решил не портить сводку своего дежурства фиксированием столь мелкого происшествия. Но и спорить с закаленной в словесных баталиях Раей ему не улыбалось, а потому она была немедленно переадресована к старшему инспектору ОБХСС Алиеву, который пришел на работу в этот выходной специально для того, чтобы без помех посидеть над срочными бумагами.

— При чем тут милиция? — удивился Алиев, ознакомившись с заявлением. — Тут в торготдел надо. Или напиши в жалобную книгу.

— Ну да! — возразила Рая, которая владела письменной речью столь же неуверенно, сколь блистательно — устной. — А кто за меня там напишет?

— А кто за тебя написал это заявление?

— Да вон ваши милиционеры составили. Помогли беззащитной женщине, а тут бюрократизм. Учти, Алиев, если ты не...

— Хорошо, хорошо, — поспешил успокоить ее Алиев. — Сегодня я выходной, а в понедельник разберемся.

Но в понедельник разбираться было уже не в чем, поскольку пришла Рая и сказала, что магазин полностью капитулировал, заявление она забирает, а что касается вчерашнего скандала в столовой, где она работает официанткой, то зря на нее клепают, не метала она вовсе в клиента супом кюфта-бозбаш, а случайно пролила, чтоб не важничал.

— Ну, а скандалы и вовсе не по моей части! — обрадованно сообщил Алиев.

Так бы и канул в небытие этот скромный инцидент, если бы месяц спустя весть о нем не достигла прокурора. «Вот оно, спасительное бревно!» — ухватился за шанс Рустамов и вызвал старшего инспектора.

— Так вот, коллега! Вчера в магазине номер пятнадцать я провел внезапную ревизию. Удалось выявить недостачу. Ясно?

— Ясно.

— Так что будем делать?

— Что положено. Заведем дело и будем судить.

— Вот именно! Заведем дело и будем судить! Тебя! Где заявление Раи Н.? Почему ему не дали ход? Ведь она сигнализировала о махинациях в этом магазине!

— Какие махинации? Речь шла об обмене пальто. Пальто ей обменяли, и я не мог знать...

— Надо было знать!

Конечно, точно такое же «надо было знать» Рустамов мог бы адресовать и капитану Агаеву, но Алиев был объектом поинтереснее: молодой специалист с высшим образованием, он пришел в милицию по направлению партийных органов, неизменно был на хорошем счету, награжден значком «Отличник милиции». То есть прямо-таки идеальный объект для демонстрации испепеляющей принципиальности.

Короче, вскоре в Министерство внутренних дел Азербайджана пришло сообщение о том, что старший инспектор Алиев скрыл важный сигнал о злоупотреблениях в магазине № 15.

— Ну, не ожидал! — возмутился министр А. Н. Гейдаров. — Дотошно проверить и примерно наказать!

Дотошность проверки, как известно, во многом зависит от авторитетности и квалификации проверяющих. Этими качествами комиссия, прибывшая в Али-Байрамлы, располагала едва ли не в избытке. Сюда вошли: начальник одного из отделов министерства полковник Таиров, зам. начальника управления БХСС полковник Мамедов и старший инспектор капитан Юнусов.

Нет, никому не верила на слово придирчивая комиссия! Отбирались объяснения, сличались показания. А того милиционера, который по просьбе Раи написал ее злополучное заявление, допросили трижды. «Вспомните, не содержался ли в заявлении хоть намек на хищения в магазине?» — допытывалась комиссия. «Вот этой самой рукой,— гордо отвечал милиционер,— которая задержала не один десяток нарушителей общественного порядка, я написал в заявлении только про пальто».

Комиссия растерялась: за что же наказывать старшего инспектора? И зачем ему вообще могло понадобиться скрывать рядовой факт, какими и без того богата жалобная книга магазина?

— Так они же с завмагом родственники! — внес свежую струю Рустамов.

Стали проверять свежую струю. Брат Алиев завмагу? Нет, не брат. Племянник? Дядя? Кум? Свояк? Муж троюродной тети? Нет и нет. Даже не однофамилец.

— Не там роете! — возражал прокурор. — Они земляки, а это в наших краях похлестче любого родства.

Стали копать в указанном направлении. В одном доме родились? По одной улице бегали? В одну школу ходили? Из одного села выходцы? Снова только «нет».

— Они уроженцы одного района! — выбросил козырную карту прокурор. — Соседнего.

Хлипкий довод, если учесть, что каждый десятый алибайрамлинец по этой логике должен считаться близким родственником Алиеву. Но что поделать, если поджимает время, если вся игра прокурора, выражаясь языком шахматистов, висит на флажке?

— Докладывайте министру что хотите, а я буду привлекать! — непреклонно заявил Рустамов.— Невзирая на прошлые заслуги, я буду принци...

Не успел. Флажок упал. Сняли.

Потом приехал в город другой прокурор, спокойно разобрал и столь же спокойно прекратил зря возбужденное дело. Старший советник юстиции Рустамов откатился в глубокий резерв, и у читателя, полагаю, возникает здоровое удовлетворение от того, что порок в основном наказан, а справедливость в общем-то торжествует. Но вот деталь: злополучный банкет еще всем помнится, а спасательное бревно тихо уплывает в реку забвения. То самое бревно, которое Рустамов без страха и сомнений готов был вытесать из кудрявого древа чужой репутации.

Кстати, сам Рустамов за это себя ничуть не корит. Я помню его чистые, ясные глаза и уверенный голос, которым излагался «главный аргумент»:

— Но войдите в положение, я ведь тоже горел!..

г. Али-Байрамлы, Азербайджанской ССР.

Неотвратимость

Леонид ЗОРИН

Рассказ

В Харькове самолет совершил посадку. Пассажирам было предложено выйти и размяться, не забывая, однако, что через сорок минут полет будет продолжен.

Гарунский блуждал по аэровокзалу, задерживался у различных ларьков, купил неизвестно для чего местную газету и думал о том, что с этим городом у него связаны не лучшие воспоминания.

Приблизительно около года назад он был здесь в командировке, которая сложилась на удивление неудачно. Человек со странной фамилией Колокольчик, к которому он приехал и от которого многое зависело, лежал в больнице. Пришлось дожидаться человека с менее звонкой фамилией Сомов, который должен был возвратиться из отпуска со дня на день. Так или иначе Гарунский неожиданно прожил в Харькове целую неделю. По вечерам он томился в гостинице и от скуки вел долгие беседы с коридорной Лидой, у которой неожиданно для себя выпросил на память фотографию. Лида долго мялась, хихикала, но потом в конце концов снизошла и даже сделала надпись: «От Лиды в знак хороших отношений».

Ее автограф дорого обошелся Гарунскому. Когда Анна Юльевна обнаружила фотографию, ему пришлось держать ответ.

Поначалу Гарунский был даже польщен. Он небрежно объяснил, что на карточке, не слишком, впрочем, удачной, снята студентка консерватории, юное существо, потянувшееся к нему внезапно и безотчетно. Однако он, Гарунский, хоть и был тронут этим порывом, оказался на должной высоте и ответил влюбленной девушке отеческим напутствием и пожеланием счастья в учебе и личной жизни.

Это объяснение не вполне удовлетворило Анну Юльевну. Ей страстно хотелось выяснить, в чем все же заключались «хорошие отношения» между Гарунским и его новой знакомой, и хотя Гарунский с полным основанием заверял в своей чистоте, Харьков остался под подозрением.

На этот раз Гарунский был здесь транзитным пассажиром. Он ходил по залам и оглядывал харьковчан, ожидавших посадки на его самолет.

Внезапно среди толпившихся у турникетов людей Гарунский увидел знакомое лицо.

«Что за черт,— изумился он про себя,— это же Генин! Как его сюда занесло?»

Он устремился к Генину и радостно потряс ему руку.

— Боже мой! — воскликнул он, широко улыбаясь.— Вы здесь? Какими судьбами?

— Да,— несколько растерянно произнес Генин,— здесь...

В тот же миг Гарунский обнаружил, что Генин не Генин. Это был совсем другой человек. Он обознался самым нелепым образом.

Разумеется, надо было извиниться, но после проявленного им ликования Гарунскому показалось это неприличным. Тем более, что человек смотрел благожелательно и, видимо, не собирался указать Гарунскому на его ошибку.

Поэтому Ананий Семенович решил сделать вид, что все нормально.

— Летите? — спросил он, хотя это было и очевидно.

— Да,— сказал человек,— лечу.

— Очень хорошо,— одобрил Гарунский.— Я очень рад, очень рад...

И все с тою же вымученной улыбкой отошел.

Человек, которого приняли за другого, тоже мучился, морщил лоб и вздыхал.

«Неудобно, невежливо,— думал он озабоченно,— стою и хлопаю ушами... Не могу вспомнить... Еще хорошо, если он не заметил... Господи, где же мы с ним встречались?»

В самолете Гарунский сразу же развернул газету. «Я читаю и никого не вижу»,— говорил весь его сосредоточенный облик. И тут же он услышал осторожное покашливание. В проходе стоял его новый знакомый.

— Мы, кажется, сидим рядом? — спросил он несмело.

«Этого только не хватало»,— подумал Гарунский.

Но вслух восхитился:

— Вот это удача! Это — повезло!..

Харьковчанин уселся в соседнее кресло.

«Что мне теперь делать?» — подумал Гарунский и спросил:

— Ну, как семья?

— Спасибо, — сказал харьковчанин,— хворает.

— Как,— удивился Гарунский,—все сразу?

— Так у меня ведь только жена,— сказал харьковчанин.

— Ну да,— сказал Гарунский,— потому я и удивился. А что же с ней?

— Ноги болят,— сказал харьковчанин.

— Ай-яй-яй,— упавшим голосом простонал Гарунский,— вот беда-то. Надо бы ей на грязи...

Помолчали.

«Нехорошо вышло,—подумал харьковчанин.— Как будто я его игнорирую».

— А вы все там же? — спросил он.

— Да,— сказал Гарунский.— Все там.

— Ну и как? — спросил харьковчанин.

«Все тебе надо знать»,— подумал Гарунский и сказал:

— По-прежнему. Веселого мало.

Харьковчанин сочувственно закручинился.

— Вот что... Я-то думал, наладится...

— Где там,— махнул рукой Гарунский.

— Но дома, надеюсь, все в порядке? — спросил харьковчанин.

— Вашими молитвами,— сказал Гарунский.

Харьковчанин опустил веки и сразу же впал в глубокий сон.

«Слава богу»,— подумал Гарунский.

Но на душе у него было неспокойно. Он искоса взглянул на соседа. Человек сидел с закрытыми глазами, губы его были скорбно сжаты.

«Уж не обиделся ли он? — подумал Гарунский.— Как-то нехорошо я с ним говорю... Раздраженно».

Словно в ответ спутник тяжело вздохнул.

«Так и есть,— решил Гарунский.— Переживает».

И мягко спросил:

— Не спится?

— Да, что-то не по себе. Ничего, прилетим — отдохну.

— Вы в гостиницу? — поинтересовался Гарунский.

— Да,— сказал харьковчанин.

Оба грустно вздохнули. И, повинуясь какой-то неведомой силе, Гарунский сам не понял, как предложил:

— Вы можете переночевать у меня.

— Ну, что вы! — сказал харьковчанин.— Зачем же?

Но Гарунский уже опомнился. В поисках путей к отступлению он быстро сказал:

— Конечно, у меня не бог весть какие просторные апартаменты...

«Обиделся»,— сообразил харьковчанин и поспешно прервал его:

— Если я вас не стесню, пожалуйста...

— Я не настаиваю,— еще больше заторопился Гарунский.— У вас, верно, хе-хе, свои планы...

Харьковчанин густо покраснел.

— Да нет же,— сказал он, прижав руки к груди.— Очень признателен. Благодарю.

Было уже совсем темно, когда они добрались до дома. Увидев Гарунского в сопровождении незнакомца, Анна Юльевна нахмурилась.

— Салют, Анюта,— бодро сказал Гарунский,— а я не один.

— Вижу,— сказала Анна Юльевна сдержанно.

— Знакомься с моим другом,— сказал Гарунский.— Он сегодня переночует у нас.

И широким жестом представил жену:

— Вот это и есть моя Анна Юльевна.

Он ждал, что, в свою очередь, представится и харьковчанин, но тот лишь вежливо поклонился.

— Очень приятно.

«Очень приятно,— передразнил его про себя Гарунский,— а уж назвать себя ты никак не мог...»

И, для естественности перейдя «на ты», сказал:

— А ведь я позабыл, как тебя по батюшке...

Это была хитрость. В ответ Гарунский рассчитывал услышать имя-отчество. Однако гость понял его вопрос буквально.

— Люцианович,— сказал он и почему-то покраснел.

«Будь ты неладен,— подумал Гарунский,— как же тебя называть?»

И несколько тяжеловесно пригласил:

— Что ж, Люцианыч, милости просим.

Сели за стол. Анна Юльевна и гость хранили молчание. И Гарунский решил все же выяснить его имя.

— Слушай,— сказал он, стараясь говорить возможно непринужденней,— а как тебя в детстве звали родители? Меня, знаешь, это всегда занимало.

— Мулик,— сказал гость и вновь покраснел.

«Вот тебе и на,— подумал Гарунский,— как же это будет... в полном объеме? Мулик... Должно быть, Самуил».

И очертя голову бросился в воду:

— Анюта, налей-ка Самуилу Люциановичу покрепче...

— Александру,—поправил гость,— Александру Люциановичу. Нет, мне, наоборот, пожиже.

«Черт бы тебя взял,— подумал Гарунский,— отломилось бы от тебя, если б ты вечер побыл Самуилом. Поди знай, что Мулик — это Александр...»

И, чувствуя на себе сверлящий взгляд Анны Юльевны, быстро заговорил:

— Ох, порох, уж и нельзя пошутить, уж и надулся. Как-нибудь знаю, что вы с моим Сашкой тезки. Где он, кстати, я вас познакомлю.

— Еще не пришел,— сказала Анна Юльевна сухо.

— Вот,— вздохнул Гарунский,— вот Мулик, сына нет, а мать считает, что это в порядке вещей.

— Молодость,—неопределенно сказал Мулик и, в свою очередь, бросился в сторону: — А как тебя звали родители?

— Ананий Семенович,— пришел ему на помощь Гарунский.— То есть вообще — Наником, но отец любил пошутить. Здравствуй, говорит, Ананий Семенович. А я от горшка два вершка...

— Вот и ты весь в отца,— зловеще сказала Анна Юльевна.

— То есть? — забеспокоился Гарунский.

— Большой шутник,— сказала Анна Юльевна.

И, повернувшись к Мулику, спросила:

— Вы были вместе с Ананием Семеновичем?

— Мы?—Мулик залился краской.— Вместе... вместе летели.

— Понимаю,— сказала Анна Юльевна.— И хорошо провели время?

— Да,— сказал он неуверенно,— провели.

— Спать, спать,— торопливо сказал Гарунский.— Уже поздно, и Мулик устал.

Когда они остались вдвоем, он обратился к жене с упреком:

— Что за муха тебя укусила? Как ты разговариваешь с человеком?

— Где ты его подхватил? — спросила Анна Юльевна.— После каждой твоей командировки возникают какие-то сюрпризы.

— Что за чушь,— возмутился Гарунский.— Это мой старый друг.

— Интересно,— Анна Юльевна усмехнулась.— На какой же почве вы подружились?

— Я не понимаю, что ты против него имеешь? — обиделся за Мулика Ананий Семенович.

— Ничего,— сухо сказала Анна Юльевна.— Просто этот человек мне не внушает доверия.

Спал Гарунский скверно. Рядом горестно вздыхала жена, из-за стены доносился сокрушительный храп Мулика.

«Ну за что мне это? — спрашивал себя Гарунский.— Ведь это же до утра не заснешь. Такой сморчок, а какой грохот...»

Не спалось и Анне Юльевне.

«Как все странно,— думала она,— как странно... Их что-то связывает... Но что? Что?»

Когда с мятым лицом, гудящей головой Гарунский вышел из спальни, Мулик уже сидел за столом. Ананий Семенович с раздражением посмотрел на его розовые свежие щечки.

— У нас — шаром покати,— сказала Анна Юльевна,— спустись, пожалуйста, в «Гастроном».

— Пусть сбегает Саша,— сказал он, показав глазами на комнату сына.

— Саша еще не встал. Он поздно лег,— отрезала Анна Юльевна.

Спорить при госте было неудобно, и Гарунский, взяв сетку, вышел.

— А где все-таки вас свела судьба? — спросила Анна Юльевна.

Мулик простодушно ответил:

— В Харькове.

Анна Юльевна внутренне напряглась.

— Ах, так... Любопытно... Где же вы встречались?

Гость зарумянился, и от Анны Юльевны это не укрылось.

— Уж не у Лиды ли? — спросила она.

Мулик с радостью ухватился за спасательный круг.

— У Лиды! — сказал он.— Именно у нее.

— Я так и думала,— кивнула Анна Юльевна.— Она ведь, кажется, музыкантша?

Мулик не стал этого отрицать.

— Красивая женщина?

— Да,— сказал Мулик,— пожалуй, что так.

— Что называется, сексапильная? — не унималась Анна Юльевна.

— Да,— сказал он,— это уж... да.

— Должно быть, и вы из ее поклонников?—Она сардонически улыбнулась.— Вы ведь известный меломан...

Гость промычал нечто невнятное и вытер лицо носовым платком.

— Сознайтесь, вы ее познакомили с мужем.

Мулик только тяжко вздохнул.

— Может, и в этот раз вы встретились там?

— Ну да,— простодушно ответил Мулик.

— Понятно,— сказала Анна Юльевна.— Теперь все понятно.

Наступила тишина. Слышен был только характерный стук. Хозяйка барабанила по столу, да еще доносилось тяжелое дыхание гостя, дыхание загнанного оленя.

— Все-таки мне интересно, как вы пережили, что он вытеснил вас из ее сердца? — спросила наконец Анна Юльевна.

Мулик с грустной улыбкой развел руками.

— Вы такой альтруист? — Она покачала головой.— Или быстро утешились?

— Как вам сказать...— пробормотал Мулик.

— А скажите попросту,— предложила Анна Юльевна с сатанинской усмешкой,— она вам надоела, и вы решили от нее избавиться, благо подвернулся Ананий.

«Чего ей от меня надо?» — с тоской думал Мулик.

Вслух на всякий случай сказал:

— Сложная штука — жизнь.

— Нет! — неожиданно воскликнула Анна Юльевна.— Не надо ссылаться на сложности жизни. Это, знаете, проще всего. Люди любят устраивать свои делишки и при этом вздыхать, что жизнь сложна.

Отворилась дверь, в комнату с покупками вошел Гарунский.

— В чем дело? — спросил он.— Тебя на лестнице слышно.

— Я хочу,— торжественно сказала Анна Юльевна,— чтобы этот грязный сводник покинул мой дом.

— Анна!—воскликнул Гарунский.— Ты помешалась!

— Я лучше уйду,— предложил Мулик.

— И вы осмелились прийти! Как ни в чем не бывало! — бросала ему в лицо Анна Юльевна.— Провести ночь под этим кровом! Нет предела цинизму. Устоев нет.

— Да что с тобой? — спрашивал потрясенный Гарунский.

— Иди и ты. Посудачьте о Лиде. Как это говорят? Остатки сладки...

— До свидания,—попрощался Мулик.

Вышел заспанный Саша. Он был в одних трусах. Густая шерсть покрывала его грудь и ноги. Гость попятился.

— Совсем спать не дают,— сказал Саша с упреком и отломил от батона горбушку.— Мать, это кто?

— Очень приятно.— Гость поклонился, схватил портфель и бежал.

Когда Гарунский, бледный и осунувшийся, пришел на службу, к нему ринулась женщина-плановик Акулевич.

— Голубчик, Ананий Семенович,— сказала она воркующе,— вас просит зайти Павел Сергеевич. Вы свободны сегодня вечером?

— А что такое? — осведомился Гарунский, направляясь к начальнику.

— Павел Сергеевич хотел поручить вам нашего гостя. Человек в командировке и, естественно, скучает. Павел Сергеевич считает, что никто лучше вас... Сводите его в театр или пригласите к себе.

Насторожившийся Гарунский вошел в кабинет. В кресле напротив Павла Сергеевича сидел Мулик. При виде Гарунского на его лице проступил ужас.

— Вот, Ананий Семенович,—сказал начальник,— Александр Люцианович Колокольчик, прошу любить и жаловать.

— Боже мой,— воскликнул Гарунский неожиданно тенором,— это не кончится никогда!

Павел Сергеевич удивился.

— Как? Вы знакомы?

— Оставьте меня в покое! — завопил Гарунский.— Я вас прошу... Умоляю... Оставьте!

И стремительно выбежал из кабинета.

— Ничего не пойму,— говорил Павел Сергеевич, изумленно глядя на побелевшего гостя,—что с ним стряслось? Вы что-нибудь знаете?

А в коридоре Гарунский стоял перед растерянной Акулевич и, потрясая сжатыми кулаками, все повторял:

— Говорю вам: а-а-ставьте меня в покое! Вы слышите? А-а-ставьте в покое...

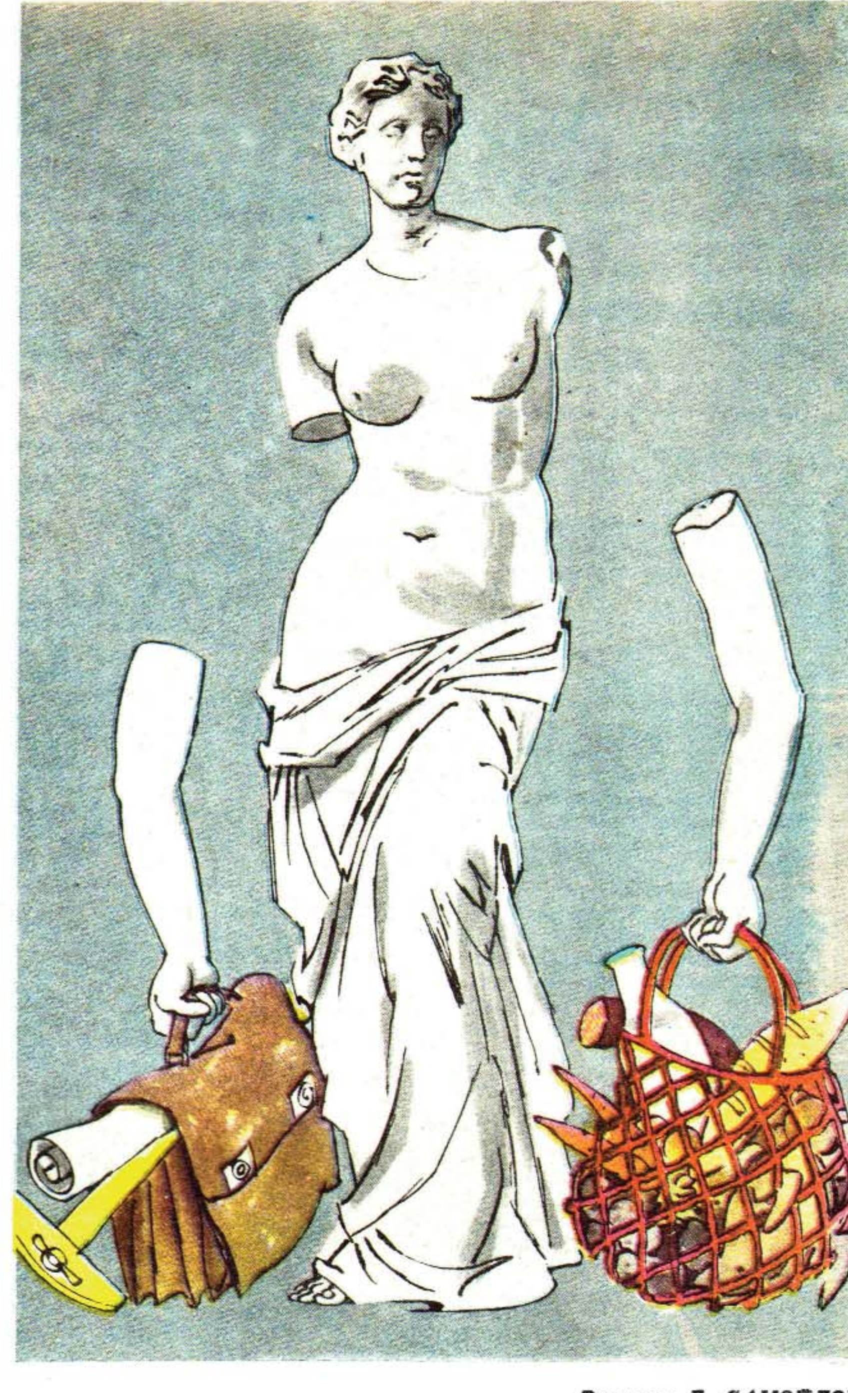
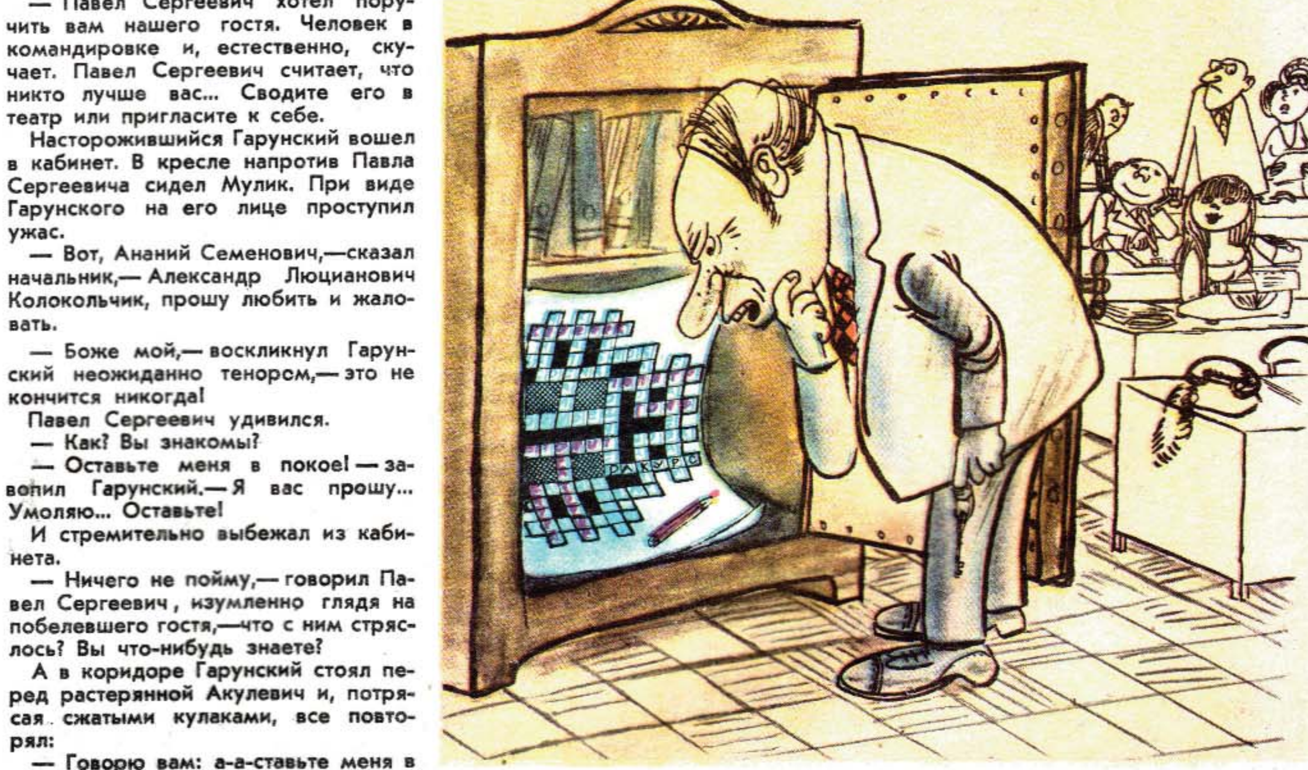

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Сейчас же признавайтесь, кто проник в сейф и решил мой кроссворд!

Рисунок Б. САВКОВА

Павел ХМАРА

Воспоминание

(Расул ГАМЗАТОВ)

Я плакал. Слезы, как поток, бежали,
Когда на небе в дыме и огне
Возникла надпись, словно на кинжале:
«Отныне нету женщин на Земле!»
Я с ужасом рассматривал планету,
С тоской глядел на Дагестан родной
И ясно видел: женщин вправду нету.
На всей планете нету ни одной!
Нет жен, сестер и матерей в помине.
Никто не холит и не пилит нас.
Угасла страсть. Квартиры — в паутине.
Впустую машет крыльями Пегас.
И никому не нужные джигиты
По свету бродят, опустивши нос.
Забыты загсы. Роддома закрыты.
Арба судьбы несется под откос...
Я был убит! Я был раздавлен роком!
Я для себя оттачивал кинжал!..
— Расул Гамзатов, не храпи так громко! —
Толкнув меня, Абуталиб сказал.

Виктор АРДОВ

Столп искусства

Вы заметили? В любом театре заместитель директора откровеннее директора. Поэтому, получив командировку, я сразу направился к заместителю директора местного драматического театра. В его кабинете сидел гражданин, всем обличьем похожий на хозяйственника. Видавшее виды демисезонное пальто, портфель, который когда-то был кожаным, а теперь стал ближе к матерчатому... Лицо обветренное, щеки столь обширные, что их можно наблюдать со спины...

В начале беседы с владельцем кабинета этот хозяйственник сидел молча, словно был глухонемым. А беседа шла так:

— Вот, имею поручение написать о вашем театре,— сказал я.— Как у вас вообще делишки?

— Дела у нас приличные,— ответил замдиректора.— План выполняем. От дотации отказались! Чего ж еще желать?

— А как в смысле творческих достижений?

— Достижения тоже имеются. Обязались выпустить шесть премьер в год и выпустили.

— А какой спектакль вы считаете лучшим?

— Почему я?—пожал плечами замдиректора.— Это уж вы обратитесь в местную газету. Они все премьеры отрецензировали. По отзывам и определите, что хорошо, а что плохо...

— Ну, все-таки, как работает ваш главный режиссер? — настаивал я.

— Главный режиссер как раз перевелся в другую область. А новый еще ничего не поставил.

— А из актеров кто у вас повиднее?

— Актеры у нас есть. Как же без актеров? Есть и заслуженные артисты Федерации. Есть заслуженные автономных республик... А как же? Список труппы я могу вам дать...

— Я охотно его посмотрю. Но мне просто интересно: на кого вы опираетесь в работе?

— Больше всего я опираюсь вот на него! — И замдиректора широким жестом руки показал на хозяйственника.— Знакомьтесь, пожалуйста: Петр Кондратьевич Гузыкин. Лучший наш агент по распространению билетов.

Мы оба наклонили головы. А замдиректора продолжал меня информировать:

— Как режиссер ни ставь, какого автора ни играй и каких актеров ни поставь, без Петра Кондратьевича аншлага не будет!

— А нельзя ли посмотреть, как он работает?

— Завтра с утра пойду на завод электроподвесных приборов,— сказал хозяйственник.— Если хотите присутствовать, попрошу в девять ноль-ноль к проходной завода.

...Ровно в девять ноль-ноль я стоял на улице у проходной. Через мостовую вразвалку с тем же портфелем шел Гузыкин.

— Люблю аккуратность! — сказал он.— Паспорт с вами? Давайте сюда.

Через три минуты пропуск был у вахтера. Мы прошли на территорию завода, и тут Гузыкин повел себя, как завсегдатай. Он уверенно открыл дверь с вывеской «Завком» и поднялся на второй этаж.

Мы вошли в кабинет. Там никого не было. Гузыкин бровью показал мне на стул, а сам сел за стол председателя. Вскоре дверь раскрылась, и на пороге показался председатель. Узрев Гузыкина, он попятился было назад... Но Гузыкин грозным тоном воскликнул:

— Куда?! А ну, давай к столу, я тебя два часа жду, бюрократ ты этакий!

И было во взоре Гузыкина нечто такое, что председатель завкома покорно проследовал в глубь кабинета. А великий агент уступил ему кресло и затем уже сказал, расстегивая портфель:

— Да ты не бойся, дурашка, сегодня я много от тебя не потребую... Одну какую-нибудь культвылазку мы с тобой оформим — и все.

— Опять вылазку? — пролепетал профсоюзный деятель и провел дрожащей рукой по лбу.

— Ну, и что ты боишься? — голос у Гузыкина сделался вкрадчивым.— Наличными мы с тебя не возьмем. Сделаешь перечисление. А потом разложишь на тех, кто пожелает посмотреть наш выдающийся спектакль.

— В том-то и дело, что желающие не хотят! — с каким-то даже отчаянием выговорил предзавкома.

— Как это «не хотят»? Почему же они тогда желающие?

— А они вовсе не желающие. Ну что, например, ты хочешь показать?

— Вот это другое дело! Пойдете на спектакль «Подводная высота».

— Так мы ее уже смотрели прошлой зимой, твою «Высоту»!

— Ну и что? Текучесть у вас в кадрах имеется?

— Текучесть — это верно, полностью мы ее еще не изжили. Хотя боремся с нею.

— Тогда в чем дело? — строго спросил Гузыкин.— Значит, наш спектакль пойдут смотреть уже другие. Так? Значит, давай не тянуть волынку, а приступим к оформлению договорчика...

Гузыкин извлек из портфеля бумаги и начал писать.

— Стой, стой, стой! — зачастил председатель.— Не буду я подписывать договор! Не нужен нам ваш спектакль!

— Да? — с каким-то даже злорадством переспросил Гузыкин.— Не нужен? А вызов в облпрофсовет тебе нужен? Запрос из газеты тебе нужен? Выговор тебя устраивает?!

— За что же мне выговор? — не совсем уверенным голосом протянул председатель.— Я ничего такого не натворил, чтобы...

— Не натворил, не натворил! — с откровенной издевкой передразнил его крутой агент.— А срыв культработы в коллективе завода — это что, шутка? Нет, это не шутка!

— Я всегда сумею доказать, что...

— Не знаю, не убежден. Но, допустим, ты даже докажешь. Но уже самый факт приглашения в вышестоящие инстанции — о чем он будет говорить? Он нам будет говорить, что у тебя не все в порядке, брат. И от этого ты никуда не денешься.

Предзавкома опустил голову, тяжело вздохнул и с надрывом произнес:

— Пиши договор, черт паршивый!..

— Неизвестно еще, кто из нас черт,— весело отозвался Гузыкин. А перо его бойко бегало по бумаге.

...Уже на улице напористый агент сказал мне:

— Видали, как приходится работать нашему брату?

И не успел я ответить, как он резко дернул головой в сторону, схватил меня за руку и спросил с чисто охотничьим азартом:

— Видите вон того, который побежал от нас? Это завкультсектором на текстильной фабрике. Боится, что я ему тоже вверну договорчик, вот и дает лататы. Ну, ничего! Я к нему на фабрику зайду на той неделе. Не отвертится! Я его уже приговорил к двум спектаклям—полностью оплатит сбор. Ну, давай пять,— внезапно заключил Гузыкин.— Мне еще надо успеть в грузовую контору: проверить, сделали они нам в театр перечисление или нет.

...На другой день я сидел в полутемном зале театра на репетиции. Мимо прошел замдиректора, узнал меня и остановился.

— Ну, как? — спросил он.— Видели, что делает наш великий Гузыкин? Он мне говорил, что вы с ним ходили на завод. И у меня не один такой. Есть и не хуже ребята. Например, Пестрецова Варвара — золото, а не женщина. Хватка — будь здоров! Так зачем мне эти режиссеры или, обратно, артисты? А?

Замдиректора снисходительно потрепал меня по плечу и двинулся дальше. Репетиция продолжалась.

ЛЮБИМЫЕ МЕЛОДИИ — Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

— Иван Петрович, тут молодой автор пришел, откажите ему, пожалуйста.

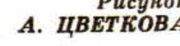

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Вл. ВОЛИН, А. ПЕТРОВ

Трали-вали

Эй, замните там любые трали-вали
Про нескладность да про лысину мою!
...Эй вы, и черту все гнусавые гитары!
Дайте бубен, да гармошку, да гудок!
Николай ТРЯПКИН.

От лихого да нескладного напева
Все гнусавые гитары прочь бегут:
Та направо убегла, а та налево...
Ну, а я, гусляр удалый,— тут как тут!
Мне на зорьке инда куры подпевали,—
Я курятину-гусятину люблю...
Как зачну я тили-дили, трали-вали,
Фигли-мигли, аты-баты, ай лю-лю!

Вячеслав СМИРНОВ

Потерпевший

Караул! — Утянули
Дорогую строку.
Анатолий МАРКОВ.

Мне существующий порядок
Не по нраву:
Над лирикой надзор,
Видать, ослаб
Зря говорят,
Что авторское право
Оберегает и блюдет
ВААП.
В издательстве
Возникла проволочка,
Установить забыли
Караул...
Была одна
Талантливая строчка,
И ту, представьте,
Кто-то утянул.

Рисунок В. ВЛАДОВА

Мих. РАСКАТОВ

Полураздумье

...Нет тебя — и на земле
полуявь,
полусон,
полуправда,
полуложь,
полужизнь,
полубред...
Валентин СТОЛЯРОВ.

Сегодня полуутром-полуднем,
Полувосход в полнеба примечая,
Отменный полузавтрак за столом
Я полусъел и выпил получаю.
«Как были хороши полублины!» —
Я размышлял, гуляя в полуроще.
Полупекла их матушка жены —
Та, что имеет званье полутещи.
Я полуотдыхал, полустрадал
И около примерно получаса
Я полумузу полугордо ждал...
Глядь: прискакало целых полпегаса.
И, взяв наперевес полуперо,
Я вмиг на полпегаса взгромоздился...
Писать о жизни, право, не хитро!
Я в этом полутвердо убедился.

ПЕРЕПЕВЫ

Мих. КАЗОВСКИЙ

Как это называется?

Один и тот же предмет может восприниматься по-разному. Все зависит от точки зрения. Скажем, одни печатаются в газетах, а вторые заворачивают в газеты колбасу. Или по-другому: одни печатаются в газетах, а вторые их произведения воруют. И тогда имеет место плагиат, который карается статьей уголовного кодекса.

Хотя, если разобраться, плагиат тоже есть понятие относительное. Каждый, например, знает, что Шекспир позаимствовал у какого-то средневекового автора сюжет «Ромео и Джульетты», — и Шекспира не только не засудили, а, наоборот, признали гениальным.

Короче, все зависит от отношения.

Для полной ясности возьмем историю, происшедшую с товарищем Авраимовым, живописцем. Какое к нему было сначала отношение? Самое что ни на есть доброжелательное. Правда, в новороссийских художественно-производственных мастерских, где он работает, замечали за ним отдельные тенденции к похищению чужих рисунков. Но корили чисто по-дружески. Дескать, не надо, дорогой, нехорошо это. Вдруг заметит кто и поймет неправильно: ты ведь у нас не Шекспир, и для тебя это просто так не кончится. Подумай, товарищ, головой!

И скорбно вздыхал маэстро, роденовским Мыслителем зависнув над куском чистого ватмана. Нужно было рисовать эскизы плакатов по технике безопасности. Душа жаждала шедевра. А в уме не заводилось ни одной мало-мальски свеженькой идейки.

Тогда, отбросив никчемушные сомнения, живописец привычной рукой полистал несколько номеров журнала «Охрана труда и социальное страхование» и быстро начал срисовывать карикатуры. Вот что у него получилось (справа — полотна кисти Авраимова, слева — оригиналы.

Всего мастер штриха и цвета передрал, извините, перерисовал 19 рисунков. А потом с легким сердцем отправился на заседание художественного совета. И поскольку отношение к Авраимову все еще оставалось доброжелательным, никто о плохом не подумал, и похвалы посыпались, как конфеты из кулька:

— Ну, молодец, ну, талант! Сразу виден полет фантазии, ярко выраженный индивидуальный почерк! Иди, дорогой, исполняй по эскизам плакаты.

И Авраимов пошел. И исполнил. И в кассовой ведомости аккуратно расписался.

А через три месяца в группу народного контроля мастерских пришло письмо. Мы понимаем, говорилось в нем, что плагиат есть вещь относительная, но не до такой же степени, как у художника Авраимова! Шекспир-то хоть и заимствовал сюжеты, но все ж таки кое-чего в них изменял и даже стихами записывал. А здесь — один к одному! Почти под копирку! В общем, говорилось в письме, бессовестного плагиатора следует наказать.

Это был скандал. И возмущенные члены худсовета вынесли решение: признать плакаты Авраимова нетворческими и вычесть из его зарплаты сумму, выплаченную за несостоявшийся художественный поиск. По материалам дела Краснодарская краевая организация СХ РСФСР снизила Авраимову категорию художника, а партбюро объявило ему выговор.

Словом, изменили свое отношение к данному товарищу целиком и полностью.

— Ах, так?! — воскликнул живописец, задохнувшись от гнева.— Ну, я вам докажу всю относительность вашей власти!

И доказал. Сначала, отложив в сторону гуашь и кисти, он принялся строчить заявления во все органы, начиная от месткома и кончая новороссийским горсудом. Не найдя нигде поддержки и получив попутно второй выговор от партбюро — за сутяжничество,— Авраимов накатал письмо в СХ СССР. Оттуда послание поступило в СХ РСФСР. И конкретно — к секретарю правления тов. Успенскому. Тов. Успенский срочно созвал плакатную комиссию и признал, что работы... творческие и «не содержат черт плагиата». Ссылаясь на утверждения самого Авраимова, что, дескать, ему так и заказывали: взять чужое и переработать...

Кто же тогда прав? И как прикажете относиться ко всей этой забавной истории?

Да, отношение, отношение... Сплошная теория относительности. И зачем ее только выдумали?

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета. Выходит довольно регулярно.

ГЕНЕРАЛ РАЗВИВАЕТ ДЕМОКРАТИЮ

Американский ежемесячник «Каррент хистори», говоря о внутриполитическом положении в Чили, пишет: «Военные лидеры неоднократно указывали, что они стремятся установить в стране особую форму «демократии», в которой не будет ни политиков, ни политических партий».

Итак, демократия без политических партий и политических деятелей. Это, безусловно, нелегкий путь, но генерал Пиночет с самого своего захвата власти доказал, что действовал исключительно в интересах демократии. Ведь хунта сразу же начала выполнять свою программу демократизации, то есть уничтожать политических деятелей и партии.

Как известно из истории науки, очень часто современники не сразу могут оценить новые, революционные идеи. И лишь со временем все становится на свои места. Так и сейчас. Миру казалось, что хунта занята арестами, пытками, а на самом деле она просто-напросто шла по пути введения демократии.

Мировая общественность протестовала против казней в Чили, а хунта, оказывается, делала очередной шаг к демократии.

И вот идеал уже не за горами. Похоже, он состоит в том, чтобы в Чили не осталось не только политических деятелей и политических партий, но и просто чилийцев. Что не сделали пулеметы палачей, успешно завершает экономическая политика главарей хунты. По сообщению журнала «Эрсилья», в прошлом году объем производства в Чили сократился почти на четверть. Зато цены подскочили, а инфляция достигла двухсот процентов. При этом в отдельных районах безработица равна пятидесяти процентам. «Жить в Чили просто невозможно» — вывод, к которому приходят все посетившие страну.

Пиночет пытается создать Чили без чилийцев. Но его мечты несколько расходятся с надеждами большинства, которые видят Чили в будущем без Пиночета...

Итоги года, или хорошие мины при плохой игре.

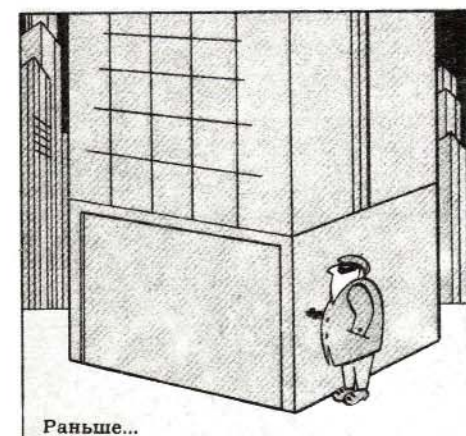
«Панч», Англия.

Вера на пивных дрожжах

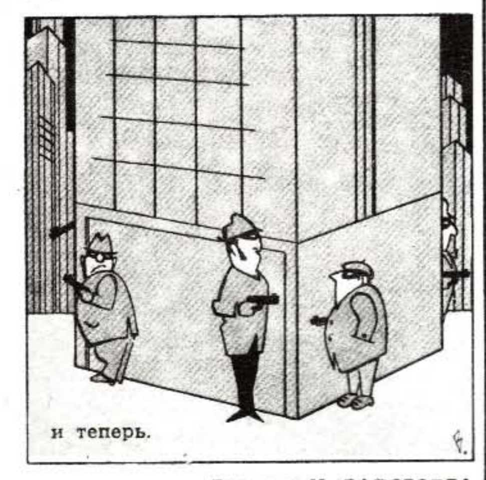
Шестидесятилетний священник Мартин Хил с благословения своего начальника епископа лондонского открыл в церкви св. Марии Магдалины, что на Мюнстер-сквер, «первый в Европе церковный паб», попросту пивную. Надо сказать, что в течение четырех лет служитель господа бога Мартин Хил пытался собрать 55 тысяч фунтов стерлингов на капитальный ремонт здания. Убедившись в том, что призыв к прихожанам оказался гласом вопиющего в пустыне, священник решил открыть паб в помещении подземной часовни. «Пусть никто не приступает к молитве раньше, чем не подкрепит себя пинтой пива!» — этот лозунг возымел свое действие. Теперь, как надеется преподобный Хил, с помощью господа и пивных бочек он соберет нужные для благолепия храма средства.

А если завсегдатаи засидятся за кружкой и забудут подняться в храм? Ничего, бог простит...

ЗАПАДНЫЕ БУДНИ

Раньше...

и теперь.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Уголок натуралиста

«МОЛЧАЛИВЫЙ И ПРЕДАННЫЙ»

Знаете ли вы, что у американцев появилось новое домашнее животное? Несколько странное, но многое ли в нынешние времена нормально? — меланхолически замечают жители Калифорнии, откуда в конце прошлого года, словно пожар, начала распространяться мода на «Пет Рок», то есть «любимый (или домашний) камень». Его продают в коробке, где камень лежит на подстилке из стружек. Это обычный булыжник размером с куриное яйцо. В коробке проделаны отверстия для притока воздуха. И все.

Придумал «Пет Рок» некто Гэри Даль. Как он рассказывает, идея пришла ему в голову во время беседы его друзей о достоинствах и недостатках домашних животных.

— А у тебя кто есть? — спросили Даля.

— У меня? — Гэри решил сострить.— У меня дома есть камень.

Сказал и задумался. А ведь верно, камень. Чем не верный друг? Даль приобрел две тонны камней и, уложив их в коробки, начал рекламную кампанию. Успех оказался неожиданным даже для него самого. За короткий срок в США и Канаде было продано более миллиона камней — «домашних любимцев». Многие покупатели заявляют, что их привлекла не только «новая мода», но и бойко написанная инструкция, прилагаемая к каждой коробке с «Пет Роком». Чем соблазняет инструкция покупателя, заставляя выложить целых четыре доллара? Например, тем, что «каменный зверь молчалив, чистоплотен, лоялен и предан хозяину. Его легко тренировать и дрессировать — скажем, научить скатываться с горы. Попробуйте на каком-нибудь склоне. «Пет Рок» может сидеть, стоять и лежать. Домашний камень нельзя научить подавать лапу, но он мастерски выполняет команду «умри» и легко усваивает, как надо защищать своего хозяина. Если, к примеру, на вас нападет грабитель, суньте руку в карман, будто за деньгами, крепко обхватите домашнего любимца и тресните им грабителя по черепу»...

Теперь разбогатевший Даль подумывает об экспорте «домашних камней» в другие страны.

— Кто знает,— говорит он,— может, там живут такие же глупцы, как и у нас?

— Феномен «Пет Рока»,— заявил один из американских ученых-психологов,— объясняется, пожалуй, всеобщей апатией среди американцев, их отчаянным стремлением найти хоть что-то, относящееся к «лучшему миру».

Бизнес на «домашних камнях» продолжается.

Новости лингвистики

Как в ЮАР «отменили» апартеид

Отныне в Южно-Африканской Республике «апартеид» отменен и вместо этого дурно воспринимаемого и широко скомпрометированного слова употребляется новый термин — «раздельное развитие». Для чернокожих коренных жителей страны это означает, что они должны быть высланы «в родные места», на территорию, составляющую 13 процентов площади страны, где по прихоти белых расистов должно жить 85 процентов населения. Что касается цветных, то есть метисов, а также выходцев из Азии, то они в соответствии с «апар...» виноваты, с «раздельным развитием» направляются в созданные для них гетто. В Иоганнесбурге цветных загоняют в гетто под романтичным названием «Эльдорадопарк», а азиатов — в гигантский район трущоб «Леназия».

Среди южно-африканских лингвистов царит оживление. До недавнего времени они жестоко страдали от безработицы, а ныне эта профессия становится самой модной. Еще бы, заменить одно слово другим — и, оказывается, расистский режим мгновенно превращается в самый что ни на есть гуманный, а эксплуатируемое черное большинство — просто в партнеров по «раздельному развитию»!

Ходят слухи, что всем государственным учреждениям срочно предписано составить планы дальнейших филологических реформ.

Вот только сумеют ли жертвы расизма оценить филологические тонкости?

Индекс неудовольствия

Словом «дискомфорт» врачи обозначают плохую работу желудка, скверное самочувствие больного и т. п. А сейчас под пером американского профессора Уоллиха слово «дискомфорт» заиграло новыми красками. Он предложил ввести такое понятие, как «индекс дискомфорта», то есть индекс неудовольствия и плохого настроения в США. Определить этот индекс, по словам профессора Уоллиха, очень просто: надо сложить две цифры — процент безработицы за последний год и процент инфляции в стране. В настоящее время, как подсчитал профессор Уоллих, индекс дискомфорта в Соединенных Штатах равен 15 процентам. В переводе на общепонятный язык это значит: «Ох, неважно живется многим американцам...»

Девичий переполох

Драматические события разыгрались недавно в английском городе Ньюкасл. Более трехсот учениц собрались утром перед зданием одной из школ и вместо того, чтобы отправиться на занятия, принялись швырять камни в окна, выкрикивая при этом крепкие слова в адрес своих учителей.

Школьницы так развоевались, что для их усмирения пришлось вызывать отряд вооруженной полиции.

В чем же причина девичьего бунта? Казалось, и поводов особых не было. Просто в силу вступил новый английский закон, запрещающий дискриминацию слабого пола и предоставляющий женщинам равные права с мужчинами. Неужели это и вызвало взрыв возмущения среди ньюкаслских школьниц? Нет, не сам закон, естественно, побудил девочек к бунту, а действия учителей, истолковавших этот закон по-своему. А именно: в школах Ньюкасла к девочкам, к примеру, плохо приготовившим домашнее задание, решено применять такое же наказание, что и к нерадивым мальчикам,— порку кожаным ремнем. Такое «равенство» девочкам, конечно, не понравилось.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Димитр ПЕТРОВ,
Алекси АНДРЕЕВ
(Болгария)

Долгие тысячелетия мучился род человеческий, пытаясь изобрести какой-нибудь бальзам, эликсир или иное чудотворное средство, чтобы победить смерть и помочь покойнику благополучно вернуться с того света на этот. Однако только Иисусу Христу — и то лишь использовав связи с высокопоставленным родственником — удалось, говорят, осуществить операцию «Воскресение».

И вот теперь в Брюсселе группа ученых, нанятых находящимся там главным штабом НАТО, создала агрегат для оживления давно почивших в бозе. Первыми в списках на оживление стояли имена самых достойных «атлантов» Уинстона Черчилля и Конрада Аденауэра.

Как ни странно, но агрегат сработал, оба старца вернулись в подлунный мир и принялись изумленно озираться по сторонам.

Сначала ученые думали, что воскрешенные столпы западного мира поражены самим фактом своего воскрешения, но оказалось, что потрясло их совсем другое. Они никак не хотели поверить, что на Земле все еще существует цивилизация. А когда им сообщили, что за последние несколько лет между Западом и Востоком заключены договоры об отказе от применения силы и о признании существующих границ, что в Хельсинки подписано Соглашение о безопасности и сотрудничестве в Европе и что началась эра разрядки напряженности, Черчилля и Аденауэра вновь чуть не хватила кондрашка. Увидев, что почтенным старцам стало нехорошо, эксперты поспешили заверить их, что не все еще потеряно, и принесли кучу газет и журналов, вышедших за последнее время.

Едва успев раскрыть американский журнал «Эйр форс», Черчилль воскликнул:

— Взгляните, майн герр, они говорят об эре разрядки, а тут написано: «Новая советская угроза Атлантическому пакту!»

— Совсем, как в наше время! — порадовался Аденауэр и показал западногерманский журнал «Зольдат унд техник», на страницах которого огромными буквами было напечатано: «Флот СССР угрожает НАТО!».

— А мой соотечественник комментатор Блох,— воскликнул Черчилль,— рассуждает еще глубже: «Наивные приверженцы разрядки фактически наводят мосты, по которым вот-вот хлынут красные супертанки»!

— Не понимаю, почему мне подсунули какой-то коммунистический орган, утверждающий, что «мирное сосуществование разных стран исключительно популярно среди молодежи, которую уже тошнит от антикоммунистической пропаганды» и что «молодежь все больше стремится к изучению жизни социалистических стран»! — взвыл старец Конрад и с отвращением скомкал газету.

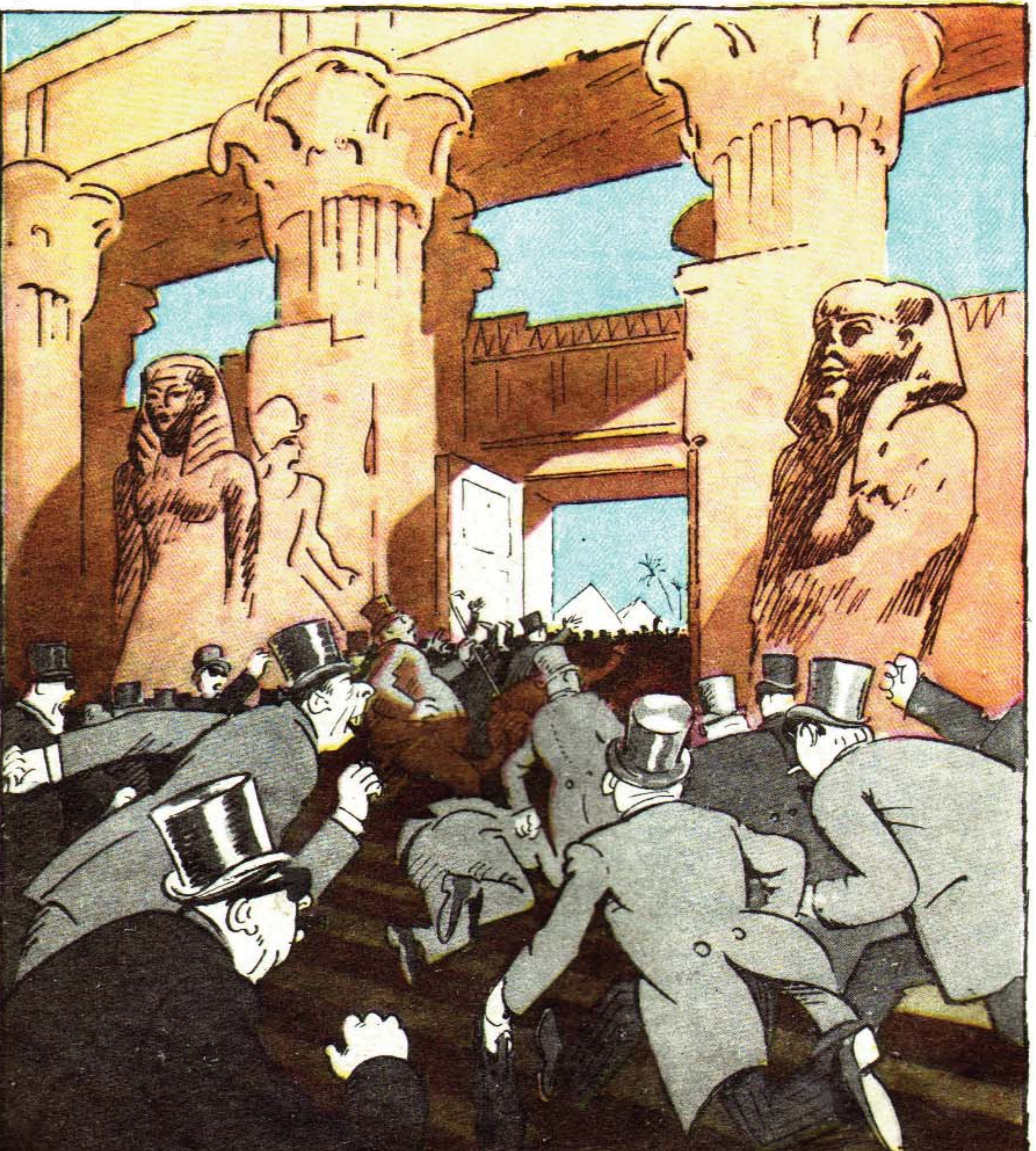
— Простите,— заметил приставленный к ним секретарь,— это не вражеское издание, а официоз «НАТО ревю». Не извольте волноваться, уже приняты меры к предотвращению несчастья. Вот что пишется дальше: «Наша пропаганда должна внушать людям, что Атлантический пакт не архаизм, а позитивно-перспективная организация». А в статье генерала Хауза ясно сказано: «Если мы хотим успешно бороться с коммунизмом, необходимо навести в наших рядах дисциплину, усилить в пропаганде наступательные мотивы».

Старый вояка Черчилль, утопая в клубах сигарного дыма, сказал:

— Если вдуматься, разрядка, в сущности, не так уж плоха, только проводить ее надо правильно. Я согласен с тезисами журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Он пишет: «Сейчас очень удобный момент для того, чтобы увеличить поток западных идей за железный занавес». Неглуп и профессор Бжезинский, предлагающий в органе госдепартамента США «Форин полиси»: «Надо использовать сегодняшние мирные контакты и обмены между Западом и Востоком для того, чтобы систематически откалывать куски от здания коммунизма».

Президент Египта Садат провозгласил экономическую политику «открытых дверей».

Рисунок А. КРЫЛОВА

— Такую «разрядку» и я приветствую! — согласился прародитель христианских демократов.— Тем более, что мои парни уже разработали и конкретные планы такой деятельности. Олаф фон Врангель, которого я в свое время сделал депутатом, составил детальные планы распространения наших идей на Востоке и призывает красных доказать их приверженность разрядке путем морального и идейного разоружения. А наш депутат Вернер настаивает на том, чтобы «русские заплатили за соглашение в Хельсинки отказом поддерживать радикальные движения в «третьем мире» и гарантировали статус-кво на Западе».

— Отлично! — восхитился Черчилль.— И что же, красные согласны на такую сделку?

— К сожалению, сэр, нет,— ответил секретарь.— Они настаивают на том, чтобы придерживаться духа и буквы подписанного Соглашения. Они стоят за международный, межгосударственный мир, а не за мир идеологический, не за мир между классами...

— Тогда мы должны отказаться от разрядки! Она нам просто противна! — завопили хором оба воскрешенных старца.

— Именно так думают и в Пекине,— подтвердил секретарь.— Там слово «разрядка» употребляется даже в качестве самой отборной брани.

— Ка-а-а-ак! Это те самые, кто когда-то засыпал нас сотнями «последних серьезных предупреждений»?!

— Да, да, именно эти. Они недавно даже пригласили для консультаций таких авторитетных специалистов, как герр Штраус, лорд Чалфонт, мистер Хит...

— И какое впечатление произвели на них наши новые пекинские друзья?

— Потрясающее!.. Лучше других их характеризовал мистер Хит. Он сказал: «Руководитель Китая Мао Цзэ-дун по ненависти к Советам стоит неизмеримо выше, чем Черчилль и Аденауэр...»

Секретарь не успел закончить фразу, как заметил на лицах собеседников странное выражение.

Срочно приглашенные врачи констатировали редко встречающийся случай группового инфаркта, случившегося в результате чрезвычайно высокого политического волнения...

Все попытки повторно оживить двух ветеранов «холодной войны» не увенчались успехом: было установлено, что чудотворный агрегат (в редких случаях!) может воскресить человека после биологической смерти. А политическая смерть — процесс необратимый...

Перевел Г. КОФМАН.

интервью

по ходу документально-приключенческой повести

Немало тревожных часов пришлось пережить всем нам в результате событий, разыгравшихся в Баксанском ущелье (см. предыдущий номер «Крокодила»). Из последних сообщений стало известно, что научный руководитель экспедиции проф. Семужный попал под снежную лавину... «Жив ли Г. О. Семужный?» — спрашивали читатели.

Спешим сообщить: профессор Семужный жив! Сегодня у нас в гостях человек, которому мы обязаны спасением профессора. Известный альпинист, заслуженный тренер СССР, журналист и художник Андрей Александрович Малеинов. Горы хорошо знают А. А. Малеинова. Он делал траверс на лыжах с Эльбруса, ходил в связке с Абалаковым и Гермогеновым, воевал в Карпатах, участвовал в горнолыжных соревнованиях в Швейцарии, работал «начспасом» в Приэльбрусье, пять раз попадал в снежные лавины и ускользал от объятий «белой смерти». Шрам на правом виске — память о такой встрече.

— Андрей Александрович! Позвольте еще раз поблагодарить вас за неоценимую помощь...

— Прийти на выручку товарищу — святой долг альпиниста. Но сейчас мне хочется поговорить о другом. Все больше и больше туристов устремляется в горы. Движение на горных перевалах напоминает подчас оживленную магистраль. Однако горы таят в себе опасности, о которых многие не подозревают. К сожалению, поразительная беспечность подчас царит в горах. Так же, как шоссе, горам нужен инспектор, который проследит за порядком, остановит нарушителя, а если произойдет авария — поспешит на помощь.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРНЫЙ ЛАНДШАФТ

— Наша экспедиция подтверждает эти выводы...

— Год назад на страницах журнала «Турист» я уже писал о необходимости создания лавинной и туристской контрольно-спасательной службы. Этот вопрос Центральным советом по туризму и экскурсиям ВЦСПС признан своевременным...

— Какие проблемы остаются нерешенными?

— Мы научились строить прекрасные гостиницы и турбазы. У нас есть возможности для того, чтобы всемерно развивать зимние виды спорта, давать миллионам людей прекрасную зарядку, ни с чем не сравнимое наслаждение отдыхом в горах. Но уж если мы зовем людей в горы, давайте позаботимся и об их безопасности!

— Как известно, ныне в Приэльбрусье решено создать спасательную службу...

— А Домбай, Архыз, Красная Поляна, Карпаты? Спасслужба, включающая специалистов по лавинам, нужна повсеместно. А ведь до сих пор никто серьезно не готовит спасателей-лавинщиков. Представьте на минуту, что в большом городе нет пожарных команд — вот что такое отсутствие действенной спасательной службы в горах! Лучшее средство от любой болезни — это профилактика. Давайте помнить об этом, и тогда отдых в горах будет действительно прибавлять нам силы и доставлять удовольствие.

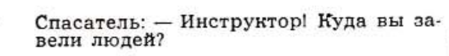
— Андрей Александрович, что вы пожелаете нашей экспедиции по поимке чудовища?

— Успеха! Буду внимательно следить за вашим маршрутом. А понадобится помощь — зовите...

После этого А. А. Малеинов передал редакции свои рисунки на «горные» темы, сделанные им в последнее время; некоторые из них мы публикуем.

— Не буду спускаться! Эту веревку сделали на нашей фабрике!

Спасатель: — Инструктор! Куда вы завели людей?

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА

Международный конкурс Крокодила «ЦВЕТОК и ШЕСТЕРЕНКА»

Если вы предпочитаете дышать воздухом, а не смогом, если вы хотите петь своим детям колыбельную «Рыбки уснули в пруду», не добавляя про себя «навеки», если вы предпочитаете, чтобы первый весенний дождь орошал вашу макушку хрустальными каплями H_2O без примеси H_2SO_4, одним словом, если вы намерены послужить своим остроумием делу охраны природы, чтобы на нашей зелено-голубой планете сохранилось и зеленое, и голубое, и пушистое, и пернатое, и чешуйчатое, то вы, конечно, примете участие в крокодильском международном конкурсе под девизом «Цветок и шестеренка».

На конкурс принимаются:

а) юмористические рассказы (не более 5 страниц на машинке),

б) стихи,

в) карикатуры.

Триумфаторов ждут: первая премия — 300 рублей, две вторых — по 200 рублей, три третьих — по 100 рублей, а также памятные призы.

Конкурс продлится с 1 мая 1976 года по 1 мая 1977 года.

Присланные на конкурс произведения не рецензируются и не возвращаются. На конверте не забудьте указать: «Цветок и шестеренка».

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Крокодил помог

«КАК СЛОМИЛИ РЕДЬКИНА»

В городе Красноуфимске, Свердловской области, в декабре 1974 года была сдана в эксплуатацию городская баня, но пуск ее задержался из-за отсутствия котельной. Об этом рассказывалось в одноименном фельетоне В. Подковы («Крокодил» № 25 за прошлый год).

Секретарь Свердловского обкома КПСС тов. Б. Ельцин сообщил редакции, что фельетон был обсужден на бюро Красноуфимского горкома КПСС. Председатель горисполкома тов. Б. Минов и начальник СУ-3 тов. Б. Ткачев, допустившие приемку в эксплуатацию городской бани без отопления, строго предупреждены.

Заместитель прокурора области тов. Н. Зайцев сообщил редакции, что по факту приписок в государственной отчетности в Красноуфимском стройуправлении № 3 треста «Свердловскоблстрой» прокуратурой области возбуждено уголовное дело.

Сигналы услышаны

КАК НА ДОЙНУЮ КОРОВУ

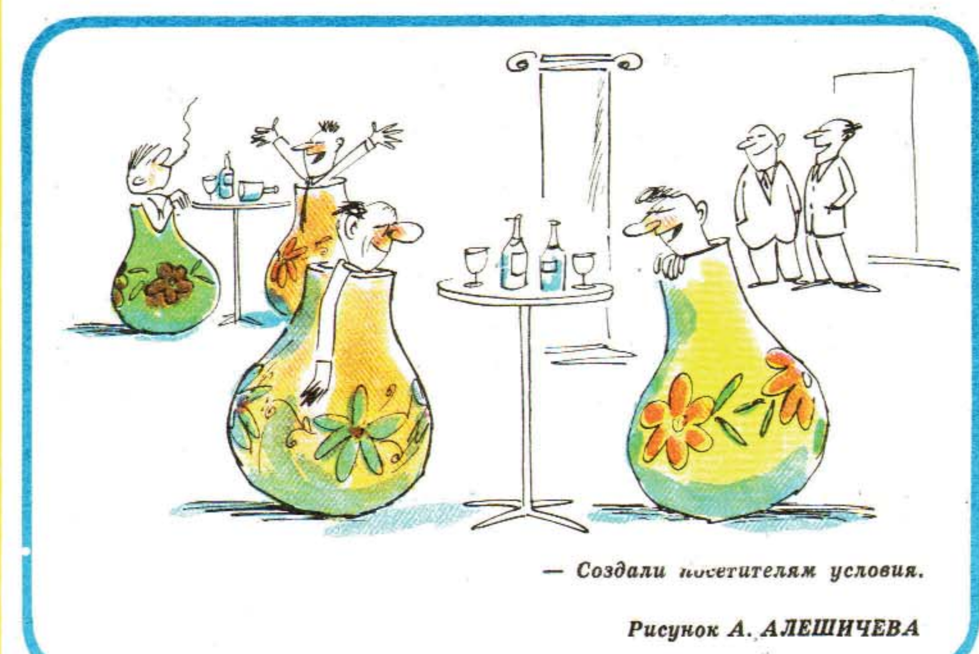
Есть люди, которые смотрят на свою должность прежде всего как на дойную корову и, помимо законных благ, которые дает должность, выдаивают из нее кое-что еще. Например, У. Н. Нарзуллаев, главный врач Пайарыкского раймедобъединения Самаркандской области, учитывая свои возросшие потребности, разрешил себе совместительство, которое отрабатывать не стал. Когда сам себе начальник, это можно позволить. А заместитель начальника главного управления капитального строительства Министерства сельского хозяйства Казахской ССР В. И. Базильский сдал в ремонт свою личную автомашину, выдав ее за совхозную. Это очень выгодно, потому что ремонт совхозных машин производится не по розничным, а по оптовым ценам, которые значительно ниже. Наверное, кому другому директор совхоза «Овцевод» отказал бы в этой комбинации, но разве можно сказать «нет» вышестоящему товарищу?

Об этих неприглядных фактах сообщалось в читательских письмах. Первое письмо по просьбе редакции было проверено Самаркандским обкомом партии, второе — Министерством сельского хозяйства Казахской ССР. Факты подтвердились. Главному врачу Пайарыкского раймедобъединения Нарзуллаеву объявлен выговор и с него взысканы 568 рублей 24 копейки за неотработку совместительства. Пришлось и Базильскому внести в госбюджет недоплаченные деньги — 1349 рублей 51 копейку. Он получил строгое партийное взыскание, наказан за пособничество и директор семипалатинского совхоза «Овцевод» тов. Узбеков.

— Трояк раз, трояк два...

Рисунок С. СПАССКОГО

— Создали посетителям условия.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

нарочно не придумаешь

«25 числа почта не работает ввиду передачи. Просим не стучать и мозги не полоскать.

Администрация».

(Объявление).

Прислал Ф. Боков, Камчатская область.

«Сыр пешеходный».

(Из ценника).

Прислал А. Фирсов, г. Норильск.

«Каждая хозяйка, которая приобрела скороварку, имеет большое преимущество перед обычной кастрюлей».

(Из телерекламы).

Прислала Н. Федорова, г. Полевской.

Н. ГУДОШНИКОВ (г. Красноярск)

— Отстань!

Яцек САВАШКЕВИЧ (Польша)

Отличный урок

Мы стояли с отцом на берегу озера. Метрах в ста от нас плыла женщина, которая что-то кричала, размахивая руками. Сразу было видно, что она не имеет ни малейшего понятия о стилях, потому что плыть и одновременно размахивать руками довольно-таки неудобно. Собравшиеся на берегу с любопытством смотрели на нее.

— Посмотри, сынок,— сказал мне отец,— какие неустойчивые краски выпускает наша промышленность. С каждым разом, когда она выныривает, ее волосы становятся все светлее.

Я немного подождал, пока голова женщины опять показалась над водой, и присмотрелся к ее волосам. Отец, как всегда, был прав. Тем временем женщина снова принялась истошно кричать что-то нечленораздельное.

— А тебе не кажется,— сказал я отцу,— что она тонет и взывает о помощи?

— Не думаю,— сказал отец,— уж слишком у нее скоординированы взмахи рук. Тонущие, мне кажется, просто молотят руками по воде.

— Может, бросить ей на всякий случай спасательный круг?

— А если ты угодишь ей в голову? Знаешь, что за это будет?

На берегу тем временем собралось довольно много людей.

— Где спасатель?— хорошо поставленным контральто кричала загорелая дама.

— Куда-то ушел,— ответили из толпы.

— А где другой? Должен же быть другой, такой блондинчик...

— Блондинчик был,—сказал отец,— да позавчера еще утонул.

Какой-то мужчина уселся на прибрежный песок и принялся расшнуровывать ботинок.

— Вы хотите ее спасти?— послышался чей-то голос.—Какое благородство!

Мужчина на песке схватился за каблук ботинка и на миг заколебался.

— Не смущайтесь,— заметил ему отец,— дырявые носки нисколько не унижают человека.

— Удивительно, как быстро они рвутся,— сказал человек на песке.

— Что вы хотите, один брак выпускают,— подтвердил отец.

— Не мешайте ему раздеваться, пусть быстрее прыгает в воду, чтобы помочь утопающей!— крикнула стоявшая рядом дама.

— Простите, куда, вы сказали, я должен прыгать? — испуганно спросил мужчина на песке, вытряхивая что-то из ботинка.

Толпа угрожающе наступала на него.

— Немедленно прыгай в воду, старый хрыч!— прозвучал многоголосый хор.

— Пока он разденется, будет уже поздно!— крикнула дама с хорошо поставленным контральто.

— Прыгай как есть! — завопил кто-то.

— Я не умею плавать,— взмолился мужчина.

— Так зачем ты снял ботинок?

— Камушек попал...

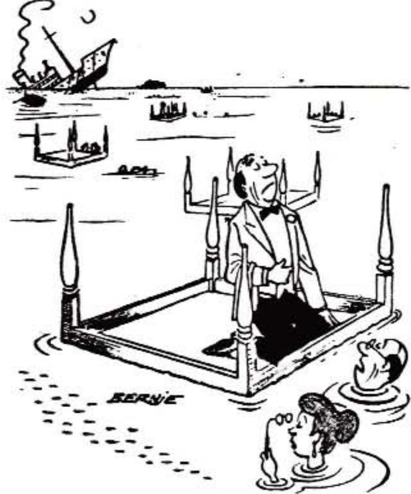
— Он лжет!— крикнул спортивного вида молодой человек.

— Не верьте ему, он хочет увернуться от ответственности,— сказал отец.— Не хочет помочь ближнему!

— В воду его! — закричали все хором.— Пусть спасает, негодяй!

Мы схватили его за руки и за ноги, раскачали и бросили в озеро, поближе к тонущей. Если он действительно не умеет плавать, это послужит ему отличным уроком.

Перевел Вл. ГОЛОВЧАНСКИЙ.

— Можно стол на двоих?

«Благ», Франция.

Полковник экзаменует молодого офицера:

— Ваш взвод окружен со всех сторон. Какой вы отдадите приказ?

— На колени, ребята, молитесь!

●

Служащий объясняет директору:

— Я просил в своем заявлении, чтобы мне снизили зарплату только для того, чтобы попасть к вам на прием. На самом деле я бы хотел, чтобы мне повысили ее!

●

После похорон один из провожавших обратился к вдове:

— Ваш супруг, мадам, был изумительным человеком!

— Верю вам, верю,— кивнула вдова.— К сожалению, у меня не было возможности с ним близко познакомиться...

— Как так?

— Видите ли, при нашей семье и нынешних ценах ему приходилось работать на четырех ставках!

Эрнст КРОЙДЕР (Западный Берлин)

Очень удобные домики

Пауля разбудил звонок. «Пусть придут попозже»,— сонно подумал он, натягивая на голову одеяло. Не успел он снова погрузиться в сон, как рядом с ним оглушительно затарахтел мотоцикл. Пауль открыл глаза и увидел, что мимо его кровати проезжает большой междугородный автобус.

— Да убирайтесь же вы, наконец, отсюда! — произнес рядом с ним чей-то раздраженный голос.

Пауль хотел было объяснить, что все это сон, но сверху опустилась рука и стащила его с кровати. Патрульный полицейский одной рукой придерживал свой грохочущий мотоцикл, другой не давал Паулю снова опуститься на кровать.

— Что вы делаете? — плачущим голосом сказал Пауль.— Я же здесь живу. Вот видите?— Он показал полицейскому на свой шкаф, стол и стулья.

В этот момент к спинке кровати припарковался мотороллер. Молодой бородатый водитель повернулся к своей подруге, примостившейся на заднем сиденье, и сказал:

— Эти киношники все больше наглеют!

«Киношники?» — подумал Пауль и увидел, что к кровати со всех сторон подъезжают полицейские на мотоциклах. Они оградили его мебель от автомашин. Репортеры щелкали затворами аппаратов, редкие прохожие улыбались и пожимали плечами.

— Скажите, пожалуйста, где моя квартира? — спросил Пауль у полицейского.

— Одевайтесь! — рявкнул регулировщик.— В участке вам объяснят, где вы живете! Фамилия, где работаете?

— Я служу в фирме, которая торгует бумагой,— тихо сказал Пауль.— Я еще никогда не жил на улице. Вот уже год, как я аккуратно вношу квартплату. Можете вы сказать мне все-таки, куда девалась моя квартира?

— Какая квартира?

— Маленький одноэтажный домик, какие повсюду сдает внаем фирма «Фурер-Фурер»,— ответил Пауль.

— Очевидно, наш самолет летит над Африкой!

«Пари-матч», Франция.

Репортеры начали что-то говорить полицейскому. Тот усмехнулся и махнул рукой.

«Мне просто необходимо выпить что-нибудь»,— подумал Пауль. Он подтянул пижамные штаны, перебежал между автобусом и мебельным фургоном на другую сторону улицы и проскользнул в «Неон-бар», открытый, как всегда, всю ночь. Рядом с Паулем на высокий стул у стойки бара присел молодой репортер.

— Мои коллеги диктуют сейчас по телефону вашу историю,— сказал он,— мне очень жаль, что у вас увезли квартиру.

— Увезли? — удивился Пауль и поперхнулся содержимым своей рюмки.

— Видите ли, недостаток этих маленьких транспортабельных домиков как раз и заключается в том, что их в любой момент можно поднять автокраном и увезти. Электричество и водопровод отключаются автоматически. Вы разве ничего не слышали этой ночью? Крепко же вы спите! Насколько мне известно, фирма «Фурер-Фурер» обанкротилась, и кредиторы лихорадочно стремятся возместить убытки...

Перевел В. КУКУШКИН.

Слова, слова...

Можно выдержать любые удары судьбы, если подставлять под них чужую голову.

Юмор жителей острова Пасхи.

Для победы в затяжных интеллектуальных спорах все большее значение приобретает физическая подготовка участников.

М. Ген, американский социолог.

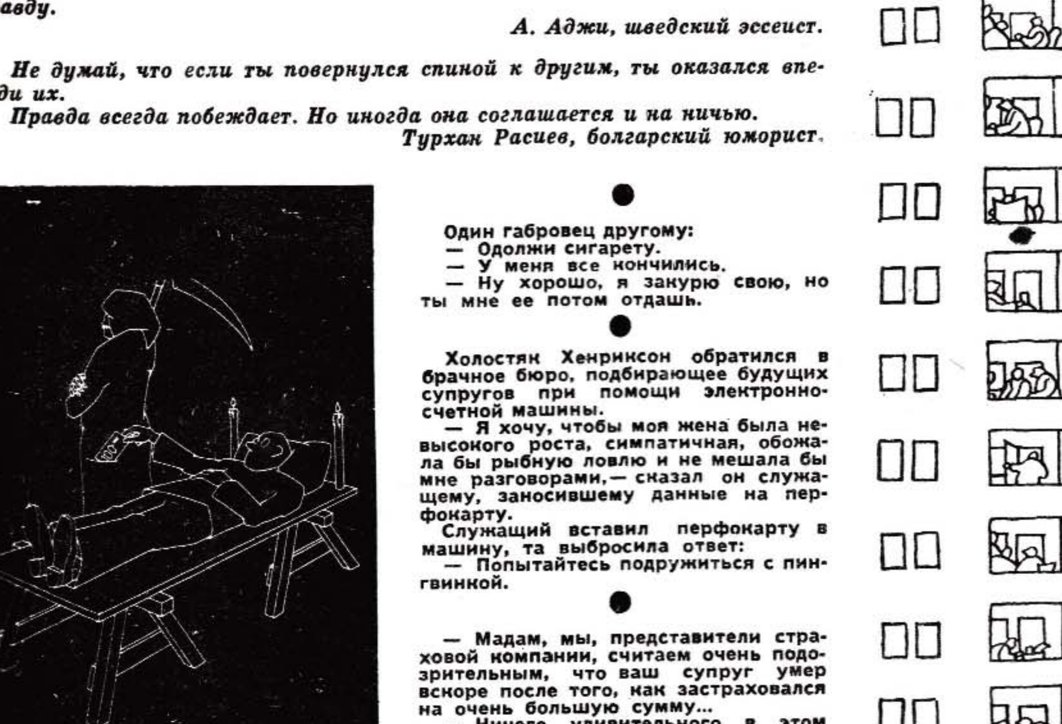
Не будь шуток, люди, может быть, так и не научились бы говорить правду.

А. Аджи, шведский эссеист.

Не думай, что если ты повернулся спиной к другим, ты оказался впереди их.

Правда всегда побеждает. Но иногда она соглашается и на ничью.

Турхан Расиев, болгарский юморист.

«Дикобраз», Чехословакия.

●

Один габровец другому:

— Одолжи сигарету.

— У меня все кончились.

— Ну хорошо, я закурю свою, но ты мне ее потом отдашь.

●

Холостяк Хенриксон обратился в брачное бюро, подбирающее будущих супругов при помощи электронно-счетной машины.

— Я хочу, чтобы моя жена была невысокого роста, симпатичная, обожала бы рыбную ловлю и не мешала бы мне разговорами,— сказал он служащему, заносившему данные на перфокарту.

Служащий вставил перфокарту в машину, та выбросила ответ:

— Попытайтесь подружиться с пингвинкой.

●

— Мадам, мы, представители страховой компании, считаем очень подозрительным, что ваш супруг умер вскоре после того, как застраховался на очень большую сумму...

— Ничего удивительного в этом нет,— пожала плечами вдова.— Он надорвался на работе, добывая средства, чтобы уплатить такие высокие страховые взносы!

— Сегодня чудный закат, передайте вниз!

«Торонто стар», Канада.

КРОКОДИЛ

№ 12 (2166)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, П. Гейвандов (г. Душанбе), Е. Горохов, Е. Милутка, В. Мохов, В. Тильман, Б. Тржемецкий (г. Омск), И. Шиков.

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

■

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК (зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 30/III 1976 г. А 00358. Подписано к печати 9/IV 1976 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 693 100). Изд. № 968. Заказ № 2078.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.